

Виктор Климентьев

Генезис. Том 1

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виктор Климентьев

Генезис. Том 1

«Автор»

2026

Климентьев В.

Генезис. Том 1 / В. Климентьев — «Автор», 2026

Брукфилд — тихий городок, где дети пропадают, а полиция разводит руками. Артур Волкер, его младшая сестра Лиза и их друзья рано взрослеют: они находят в старом особняке то, что должно было остаться в легендах. Он не человек. Он древний голод, принявший обличье клоуна. Он питается чужим страхом и умеет ждать десятилетиями. Его зовут Кроули, но настоящее имя потеряно — а значит, победить его почти невозможно. Игра начинается со случайной встречи. А заканчивается всегда одинаково: чьи-то кроссовки на полу, цифра кровью и тишина. Шестеро подростков бросают вызов тому, чьи шутки убивают. У них есть только лето, рогатка, старая карта и отчаянное желание не стать следующей записью в дневнике клоуна. Это не страшилка у костра. Это история про то, как перестать бояться своей тени — и пойти в темноту самому.

© Климентьев В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
ТОМ 1. ГЛАВА 1.	7
ТОМ 1. ГЛАВА 2.	13
ТОМ 1. ГЛАВА 3.	19
ТОМ 1. ГЛАВА 4.	25
ТОМ 1. ГЛАВА 5.	32
ТОМ 1. ГЛАВА 6.	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Виктор Климентьев

Генезис. Том 1

Пролог

Оно было здесь до того, как мир обрёл имя.

Не пришло — просто явилось, как является болезнь или тень, которую замечаешь только тогда, когда она уже лежит на твоём лице. В те времена, когда жизнь была лишь тихим шёпотом в первичном бульоне, оно питалось этим шёпотом — слепым страхом первых, мельчайших существ. Они трепетали, сжимались в гелевых толщах океана, и этот трепет был едой.

Потом пришли гиганты. Чудовищные ящеры, чьи шаги сотрясали континенты, чьи тени накрывали долины, как грозовые тучи. Их страх был масштабным и простым — страх быть съеденным, страх огня из небесных трещин, страх сорваться в пропасть. Оно стало этим страхом. Оно не имело формы, но могло стать трещиной в земле под тяжёлой лапой, клубом угарного газа в низине, внезапной тенью крылатого хищника, упавшей на спину травоядного гиганта.

А потом небо возгорелось, и мир умер.

Гиганты пали. Источник громкого, сочного страха иссяк — их агония была слишком быстрой, слишком всепоглощающей, чтобы питаться ею долго. Оно впало в спячку. Каменный, беззвёздный сон на миллионы лет, под толщей осадочных пород, под равнодушным гнётом тектонических плит.

Пробудил его новый звук. Не рёв ящера. Тихий, нервный лепет. Страх, сотканный не из инстинктов, а из мыслей. Из образов. Из предположений о будущем, которого ещё не наступило. Это были люди.

Оно научилось новому: страх, посеянный раз, растёт сам. Он становится легендой. А легенда — это пища, которая не портится. Её можно есть веками.

Шли тысячелетия. Ледники наступали и отступали. Цивилизации поднимались из грязи и рассыпались в прах. На месте древних охот выросла деревня. Деревня раздалась вширь, обросла мощёными улицами и фонарями, получила имя Брукфилд. А в деревню однажды приехал цирк.

Среди людей в ярких одеждах был один — с набелённым лицом и искусственной улыбкой. Человек, чьей работой было быть смешным. Пожиратель почуял в нём странный, притягательный страх — страх быть непринятым, страх пустоты за гримом, страх, который копился годами под гром аплодисментов. Клоун боялся не зрителей. Он боялся тишины после своего номера. Той секунды, когда смех замирает, и ты остаёшься один на сцене — накрашенный, никчёмный, как мусор.

Он подозвал его тенью, шёпотом из чаши. И когда клоун, любопытный и пьяный (он выпил полбутылки дешёвого виски перед выходом, чтобы заглушить дрожь в пальцах), отступил от огня, сущность вошла в него. Не съела — вселилась. Человеческая суть исчезла в мгновение, как капля в море, как спичка в кузнечном горне. Но оболочка осталась. Теперь у неё была идеальная маска — та, что создана, чтобы вызывать улыбку, а под ней можно было скрыть что угодно. Бездну. Голод. Вековую тоску по живому мясу.

Он вышел к людям. Увидел ребёнка, смотрящего на него широкими глазами. Не с восхищением — со страхом. Этот старый, добрый, первобытный страх пах лучше всего — кисло-кисло, остро, как свежая кровь. Клоун наклонился, заговорил ласково, поиграл. А потом, когда страх мальчика созрел, как плод, он снова разверзся — уже из-под клоунского грима, из широкого румяного рта, нарисованного в вечной усмешке.

Он забрал трофей в свою пещеру — новое логово. Пещера со временем обрушилась, и ему пришлось искать новый дом. Он нашёл заброшенный особняк на холме, в центре растущего города Брукфилд. Люди видели одинокого странного клоуна и отводили глаза. «Городской сумасшедший», — думали они. Они не знали, что под особняком зиял подвал, сравнимый по размерам с пещерой. Идеальное место для коллекции. Для ожидания.

Но это была только одна маска. Один голод. Одна точка на карте, которой оказалось слишком много для одного мира.

Особняк «Генезис» всё ещё стоит в центре города. В его подвале пахнет землёй, старой кровью и краской от грима — сладковатой, приторной, той, что используют в дешёвых цирках. И если вы ночью услышите тихий, скрипучий смех, доносящийся со стороны холма — не смотрите. Он уже выбрал следующую игру.

А она всегда начинается со страха.

ТОМ 1. ГЛАВА 1.

25 мая 1985 года. Среда. 3 часа дня. Дом Волкеров.

Большой двухэтажный дом на тихой улице Брукфилда казался вымершим.

Родители уехали на работу ещё утром — отец хлопнул дверью в семь, оставив после себя запах кофе и табака, мать задержалась на пять минут, чтобы поправить шторы. Оставив Артура и Лизу вдвоём. Солнце светило в окна, но в гостиной было прохладно — мать всегда закрывала шторы, когда уходила, чтобы мебель не выгорала. Лучи пробивались сквозь ткань бледными, больными полосами, ложились на паркет, как линейки.

Артур сидел на подоконнике в своей комнате на втором этаже, прижавшись спиной к холодному стеклу, и смотрел на улицу. Скука разъедала его изнутри, как кислота — медленно, въедливо, без надежды на противоядие. Четырнадцать лет. Высокий рост — под метр восемьдесят, худой, с широкими плечами, которые только начинали обозначаться под футболкой. Короткие чёрные волосы, с утра не тронутые расчёской. Глаза зелёные, как изумруды, которые отец привёз из командировки и хранил в сейфе за картиной с оленями. Артур часто смотрел на них — в темноте приоткрытого сейфа они казались живыми, пульсировали холодным огнём. Но сегодня ему было не до камней. Сегодня ему было не до чего, кроме дрожи в пальцах и желания что-нибудь разбить.

Внизу, в своей комнате, возилась Лиза.

Тринадцать лет. Низкая — метр пятьдесят два, худенькая, с длинными волнистыми волосами, которые она то распускала по плечам, то стягивала в тугий хвост, в зависимости от настроения. Глаза цвета океана — так говорила мать, и Лиза любила это сравнение, хотя ни разу не видела океана. Только на картинках в журналах. Она любила платья, когда было настроение, а когда нет — джинсы и свитера. Сегодня у неё было настроение. Она наносила макияж перед зеркалом в ванной — густо, с девичьим усердием, не жалея туши и теней, — периодически отвлекаясь на куклу, которую держала в руках. Старая, с оторванной рукой, которую мать так и не пришила. Лиза не играла в неё. Просто держала. Для тепла.

— Артур! — крикнула она снизу. — Ты видел мою тушь?

— Не трогаю я твою тушь! — крикнул он в ответ. Голос сорвался на петушиный фальцет — начиналась ломка, и Артур ненавидел это чувство, когда слова вылетают не такими, какими ты их задумал.

Он спрыгнул с подоконника. Надо было что-то делать. Сидеть дома с сестрой, которая только и умеет, что краситься и играть в куклы (даже в сломанные) — не самое весёлое занятие. Артур считал себя взрослым. Достаточно взрослым, чтобы не тратить время на ерунду. Достаточно взрослым, чтобы решать, как убить субботний день, оставшийся без присмотра родителей.

Он вышел в коридор. Половицы скрипели под ногами — дом был старым, с характером. Артур знал каждую скрипучую доску: третья от лестницы стонала, как раненый зверь, предпоследняя в конце коридора издавала сухой треск, будто ломалась кость. Мать просила отца починить. Отец обещал. Уже три года.

Артур подошёл к телефону в коридоре — чёрному дисковому аппарату на тумбочке с кружевной салфеткой. Снял трубку, набрал номер Макса. Длинные гудки. Потом щелчок.

— Приходи, — сказал он. — Скучно.

— Через десять минут, — ответил Макс и повесил трубку.

Артур поставил телефон на рычаг. Вернулся в комнату, сел на кровать. Пружины скрипнули под его весом — старые, с памятью о том, как он прыгал на них в детстве. Он посмотрел на часы. Три десять. Время ползло, как улитка по стеклу.

Макс пришёл через десять минут ровно. Он вообще был пунктуальным — это бесило Артура в хорошем смысле. Ниже Артура — метр шестьдесят, худой, с узкими плечами и короткими кудрявыми русыми волосами, которые он вечно взъерошивал, когда нервничал. Глаза янтарно-карие, живые, с вечным блеском авантюриста. Одевался он обычно в официальное — рубашки, брюки, «как маленький старичок», подшучивала над ним мать Артура, — но для прогулок носил что-то попроще. Сегодня была толстовка с логотипом рок-группы, которую он не слушал, и джинсы с потёртостями на коленях.

— А кто ещё будет? — спросил Макс, заходя в прихожую. Он стянул кеды, поставил их аккуратно, носком к носку.

— Джек, — сказал Артур. — Он сейчас подойдёт.

— А Лиза?

— Лиза красится. Не лезь.

Макс пожал плечами. Прошёл на кухню, налил себе стакан воды из-под крана — мать Волкеров не любила, когда пьют некипячёную, но её не было дома. Сделал глоток, поморщился. Вода пахла хлоркой и ржавчиной.

Джек не заставил себя ждать. Он пришёл через пять минут, запыхавшийся, с рюкзаком за спиной, из которого торчал угол скейтборда. Среднего роста — метр семьдесят, худой, с широкими плечами и короткими светлыми волосами, прилизанными на прямой пробор. Самое удивительное в нём были глаза. Гетерохромия. Правый — зелёный, как летний лес. Левый — голубой, как льдинка. В школе над ним смеялись. «Циклоп», «мутант», «фотошоп». Джек привык. Не отвечал. Только сжимал зубы и молчал.

— Есть что-нибудь новенькое? — спросил Джек, снимая кеды и швыряя их в общую кучу. Макс поморщился от такого беспорядка, но ничего не сказал.

— Приставка, — сказал Артур. — Отец привёз из города.

Они поднялись на второй этаж, в комнату Артура. Приставка была старой, японской, с облезлым корпусом и джойстиком, которые заедали, если нажимать слишком сильно. Но работала исправно, если дуть в щели. Артур вставил картридж — пластиковую коробочку с потёртой наклейкой, — и на экране замигали пиксельные человечки. Музыка была примитивной, монотонной, но для них — лучшей в мире.

Макс и Джек схватили джойстики. Артур сел рядом, на край кровати, подбадривая Макса, который проигрывал уже третью партию.

— Левее! Левее! — кричал Артур.

— Да вижу я! — кричал Макс, вдавливая кнопку с такой силой, что пластик скрипел. Его персонаж врезался в стену.

— Не видишь ты ничего!

Джек молча нажимал на кнопки, и его персонаж уклонялся от всех препятствий, собирал бонусы, перепрыгивал пропасти. Он всегда был лучшим в такие игры. Может, из-за глаз — говорят, гетерохромия даёт особое восприятие движения. Или просто из-за того, что не отвлекался. Не обращал внимания на крики Макса, на комментарии Артура. Просто играл. Как будто от этого зависела его жизнь.

Внизу, в своей комнате, Лиза красила ресницы и слушала радио.

Старая «Панасоник» на тумбочке шипела, пробиваясь сквозь помехи. Диктор что-то говорил о погоде — солнечно, до двадцати, ветер юго-западный. Лиза не слушала. Она думала об Эрике Прескоте — мальчике из восьмого класса, который нравился всем девочкам. У неё не было шансов, она знала. Слишком младшая. Слишком простая. Не в его лиге. Но мечтать никто не запрещал. Мечты не пахнут, не красятся, их нельзя отобрать или высмеять.

Она подвела глаза, посмотрелась в зеркало. Красиво. Может, завтра в школе он заметит её. Помашет рукой. Улыбнётся. Скажет «привет».

Она улыбнулась собственному отражению, и в этот момент кто-то постучал в дверь дома.

Три удара. Громких, уверенных. Не «тук-тук-тук» — бум-бум-бум, как кулаком по дереву.

Лиза замерла. Радио продолжало играть — весёлая песенка про любовь. Она посмотрела на потолок — сверху доносились крики Артура и Макса. Они не слышали. Или делали вид.

Она встала, подошла к лестнице, прислушалась. Тишина. Может, показалось? Сердце колотилось где-то в горле.

Стук повторился. Теперь громче. С нажимом.

Лиза вспомнила слова матери: «Не открывай дверь никому, если нас нет дома». Она медленно поднялась к себе в комнату, стараясь не скрипеть половицами (вторая от лестницы — знала, предательница), закрыла дверь на замок. Забралась под одеяло, натянула его до самых глаз. В комнате пахло её духами — дешёвыми, фруктовыми, купленными на карманные деньги, — и этот запах казался сейчас единственной нормальной вещью в мире.

Она лежала и слушала.

Стук не повторялся. Тишина. Только радио играло что-то весёлое, и сверху кричали ребята — Артур, кажется, снова обзывал Макса ослом.

Через десять минут в дверь комнаты постучали. Тихо. Осторожно. Не так, как в дверь дома.

Лиза вздрогнула.

— Лиза, открой, пожалуйста, дверь, — сказал Артур.

Она подошла, повернула замок. Артур стоял на пороге, нахмуренный, с джойстиком в руке. За его спиной маячили Макс и Джек. Лица у них были встревоженные — даже у Джека, который никогда ничего не боялся.

— Что случилось? Почему ты такая напуганная?

— Там кто-то постучал в дверь, — сказала Лиза. — Вы не спускались посмотреть, поэтому я решила глянуть, но вспомнила слова мамы, вернулась в комнату и закрылась.

— В следующий раз лучше скажи мне, — сказал Артур. — Неважно, чем я занят. Это наша с тобой безопасность, особенно когда родителей нет дома. Ты поняла?

— Да, Артур, поняла.

Он обнял её — сухо, порывисто, как делал, когда не знал, что ещё сказать. Лиза почувствовала, как страх понемногу отступает. В груди Артура пахло потом и стиральным порошком — запах старшего брата, который она знала с пелёнок. Спасательный круг.

— Пошли чай пить? — спросил он.

— Конечно, пошли! — Лиза побежала вниз, на кухню, там было светло и безопасно.

На кухне за столом уже сидели Джек и Макс. Они пили чай и ели печенье — «Юбилейное», которое мать Волкеров покупала пачками и прятала в верхний ящик, чтобы дети не съели всё за раз. Не помогло. Ящик был открыт.

— Привет, Лиза! — Макс протянул ладонь для «пятерни».

— Привет, ребят, — Лиза шлёпнула по его ладони. Шлепок получился громким, почти хлопком. Телесный разговор, который заменял слова.

Все сели за стол. Парни пили зелёный чай — Артур настаивал, что он полезнее, хотя на вкус он напоминал скошенную траву. Лиза — чёрный, с двумя ложками сахара, как любила мать. На столе стояли тарелки с печеньем, конфетами («Красная шапочка», твёрдые, как камушки) и мармеладом в виде мишек, которые уже зачерствели, но есть их всё равно можно.

Лиза откусила печенье. Хрустнуло. Вкусно. Почти как в детстве.

— Слушайте, а вы не слышали про случай с Эриком Прескоттом? — спросил Джек. Голос его дрогнул.

Все покачали головами. Артур замер с чашкой у губ. Макс перестал жевать.

— Что с ним? — Лиза почувствовала, как внутри сжалось что-то холодное, липкое, как тот страх, который она испытала у двери.

— Короче, на прошлой неделе в пятницу после школы все разошлись по домам, но Эрик остался в школе дописывать доклад. Говорят, он услышал какой-то шорох в коридоре, вышел туда — и кто-то набросился на него из темноты. Он убежал в мужской туалет, но убийца нашёл его. От него остались только кроссовки, а на полу кровью была написана цифра один.

Лиза прижала ладони ко рту, сдерживая крик. Глаза защипало. Она моргнула, смаргивая слезы, но не заплакала. Не при них.

— Что за чёрт... — сказали Артур и Макс одновременно.

— Я сам в шоке был, когда мне рассказали! — Джек потёр лицо руками. Ладони у него были влажными — от пота или от страха.

Вдруг зазвонил домашний телефон. Пронзительно, требовательно. Все вздрогнули. Артур подошёл к аппарату, снял трубку.

— Алло, Артур Волкер слушает.

— Артур? Скажи, пожалуйста, Джеку, чтобы он шёл домой.

— А кто это?

— Это мама Джека. Скажи ему, пожалуйста, а то уже поздно.

— Хорошо, миссис Харрис.

Артур положил трубку.

— Джек, звонила твоя мама. Тебе пора домой.

— Уже? Блин. — Джек посмотрел на часы. Было без четверти пять. Он допил чай залпом, не чувствуя вкуса, и поднялся. — Ну ладно.

Он сходил на второй этаж за сумкой, спустился, обулся — на этот раз завязал шнурки, а не просто пихнул ноги в кеды — надел куртку. Куртка была старой, отцовской, с оторванным карманом. Мать обещала зашить. Не зашила.

— Пока, Лиза!

— Пока, Джек! — Лиза помахала ему с крыльца. Вечерний воздух пах травой и бензином с ближайшей заправки.

Артур и Макс вышли проводить друга до калитки. Трава была мокрой — поливал кто-то из соседей, переборщил с напором.

— Пока, ребят, хорошо посидели! — Джек пожал руки Артуру и Максиму. Рукопожатие у него было крепким, почти болезненным — на прощание.

— Пока, Джек! — ответили те.

Джек пошёл в сторону своего дома. Дорога проходила мимо старого особняка на холме, который все в городе называли «Генезис». Говорили, что там никто не живёт. Говорили, что туда лучше не соваться. Говорили, что из его окон по ночам виден свет, хотя электричества там нет уже полвека.

Он шёл по тротуару, стараясь не смотреть в сторону особняка. Но когда поравнялся с кованой оградой, он услышал шорох. Сзади. Отчётливый, как шаги по гравию.

Он обернулся.

На тропинке, ведущей к особняку, стоял клоун. Одетый в пёстрый костюм с каплями крови на рукавах — старыми, бурными, въевшимися в ткань. В руке он держал старый цирковой билет — жёлтый, истлевший по краям, почти рассыпающийся. Лицо его было накрашено белилами, но улыбка казалась слишком широкой, слишком яркой. Глаза — две чёрные дыры, в которых не отражался свет.

— Привет, Джек! — сказал клоун. Голос его был тихим, вкрадчивым, как у человека, который привык шептать на ухо. — Я клоун по имени Кроули. Будем знакомы.

Он поклонился — медленно, неестественно, с хрустом в позвоночнике — и резко выпрямился. Билет в его руке вспыхнул синим пламенем на секунду и погас, оставив пальцы в копоти.

— Пошли со мной? Я покажу тебе представление, которое ты никогда не забудешь!

Клоун засмеялся. Смех был демоническим, скрипучим, как несмазанные качели на детской площадке, как ржавая дверь, которую открывают раз в столетие.

Джек закричал. Он развернулся и побежал так быстро, как никогда в жизни. Ноги скользили по мокрому асфальту, сердце колотилось где-то в горле, воздух кончился через десять метров. Он не оглядывался. Боялся увидеть эту улыбку снова.

Влетел в калитку своего дома, захлопнул её, привалился спиной. Железная калитка звякнула, принимая его вес. Дышал тяжело, с хрипом, как загнанная лошадь.

В доме горел свет — жёлтый, уютный, из окон пахло жареной картошкой. Мать вышла на крыльцо, вытирая руки о фартук.

— Ты чего такой? — спросила она, обнимая его. В её объятиях пахло луком и стиральным порошком.

— Ничего, мам, — сказал Джек. — Устал.

Он помыл руки в ванной, долго тёр их мылом, смотря в запотевшее зеркало. Своё лицо — бледное, с разноцветными глазами — он почти не узнавал. Переоделся и лёг в кровать. От ужина отказался. Мать удивилась, но не стала настаивать — оставила тарелку с картошкой на плите, накрыв полотенцем.

Джек лежал в темноте и смотрел в потолок. Ему казалось, что за окном кто-то стоит. Он не проверял. Боялся. Шторы были задёрнуты, но он всё равно чувствовал взгляд — тяжёлый, липкий, как та сладковатая гниль, которой пахло от клоуна.

Уснул он только под утро, когда за окном начало светлеть и запели птицы.

А в доме Волкеров тем временем Артур, Макс и Лиза смотрели фильм ужасов.

Телевизор гудел, картинка рябила — антенна ловила плохо. В гостиной было темно — только свет от экрана освещал лица, делая их похожими на восковые маски. Ребята вздрагивали при каждом резком звуке, кричали, когда монстр выпрыгивал из темноты. Даже Макс, который клялся, что его не напугать, пару раз вцепился в подлокотник кресла.

В самый напряжённый момент — герой заходил в подвал, и скрип двери заглушал зловещую музыку — в дверь громко постучали.

Все трое замерли.

Ручка двери начала опускаться. Медленно, плавно, как в кино. Замок щёлкнул. Дверь открылась.

В проёме стояли два силуэта — высокий и пониже, размытые светом уличного фонаря.

Ребята закричали.

— Да тихо вы! — рявкнул знакомый голос.

Щёлкнул выключатель. Свет залил коридор, ударил по глазам. На пороге стояли Марк и София Волкер — родители Артура и Лизы. Марк в пальто, с портфелем в руке, с красным лицом — на улице было ветрено. София в плаще, с авоськой, из которой торчала буханка хлеба.

— Миссис и мистер Волкер? — спросил Макс, не веря своим глазам. Голос его сел от неожиданности. — Это вы?!

— А кто ещё? — проворчал Марк. — Нам что, теперь домой нельзя прийти?

Он снял пальто, повесил на вешалку, потянулся. Позвоночник хрустнул.

— Макс? — София улыбнулась. — Здравствуй, как ты?

— У меня всё отлично, — ответил Макс. — А вы как?

— У нас тоже неплохо. Ты у нас с ночёвкой или как?

— Если вы не против, то да.

— Конечно, не против! — воскликнула София, ставя авоську на пол. — Оставайся!

Макс обнял её — порывисто, с детской непосредственностью. София засмеялась, погладила его по голове, взъерошила кудри.

Лиза подошла к лестнице. Ей хотелось спать, но глаза ещё горели после фильма.

— Доброй ночи всем! — крикнула она и убежала наверх, по пути включив свет в коридоре — мать не любила, когда дети шлёпают в темноте.

София ушла в спальню — слышно было, как она скинула туфли, вздохнула с облегчением. Марк задержался в гостиной, посмотрел на экран телевизора, где уже шли титры фильма ужасов. Покачал головой, но ничего не сказал. Просто выключил телевизор и ушёл следом.

Макс подошёл к Артуру, который ел виноград на кухне — прямо с грозди, отщипывая по ягоде и выплёвывая косточки в пустую кружку.

— Твоя мама разрешила мне остаться.

— Отлично! — сказал Артур, прожёвывая. Виноград был кислым, но освежающим. — Тогда можешь переночевать у меня в комнате. Я тебе подготовлю кровать, а сам посплю на полу.

— Спасибо, Артур.

Артур ушёл готовить место — достал из шкафа чистую простыню (пахло лавандой, мать клала саше между бельём), одеяло и подушку. На полу расстелил себе спальник — старый, армейский, который отец привёз из командировки и так ни разу не использовал. Спальник пах кожаным салоном машины и бензином.

Макс сходил в душ. Плескался долго, с наслаждением — в доме мать Артура не экономила воду, в отличие от его собственной, которая вечно кричала «счётчик накручивает». Вытерся полотенцем с вышитой буквой «В» — Волкеры, — надел пижамные штаны, которые дала София. Они были велики на два размера, но мягкие, как облако.

Когда он вернулся, на кровати уже лежали чистая простыня и одеяло, а на полу в спальнике лежал Артур, подложив под голову свёрнутую куртку.

— Доброй ночи, — зевнул Макс, падая на подушку. Подушка пахла мятой — мать Артура вешала на неё какой-то спрей от бессонницы.

— Доброй ночи, — ответил Артур.

В доме настала тишина. Только часы на кухне тикали — старые, с маятником, которые достались Софии от бабушки. Тиканье было ровным, успокаивающим, как пульс большого спящего зверя. Где-то на втором этаже скрипнула половица — Лиза ворочалась во сне. Потом всё стихло.

А где-то в центре города, в старом особняке, горел одинокий огонёк.

Кроули сидел в кресле — глубоком, бархатном, продавленном чужими телами. Перед ним на столике лежала фотография Джека, вырезанная из школьной газеты. Кроули взял её, посмотрел на разноцветные глаза мальчика. Провёл пальцем по лицу, стирая пыль.

— Игра началась, — прошептал он.

В его пальцах был зажат старый цирковой билет. Жёлтый, истлевший по краям, с нечитаемым текстом. Кроули поднёс его к губам, поцеловал, и билет вспыхнул синим пламенем, оставив на пальцах кровавые разводы, которые пульсировали в такт сердцебиению старого дома.

Он улыбнулся. Улыбка была красной в темноте.

За окном особняка спал Брукфилд. Никто не знал, что на холме проснулся голод.

ТОМ 1. ГЛАВА 2.

26 мая 1985 года. Четверг. 6 часов утра. Дом Волкеров.

Утро началось с запаха жареного бекона и оглушительных басов.

Артур открыл глаза и застонал. Подушка, натянутая на голову, не спасала — низкие частоты пробивали сквозь вату и перья, заставляли вибрировать зубы. Снизу, из ванной комнаты, сквозь шум воды прорывался пронзительный голос Мадонны — «Like a Virgin», которую Лиза слушала на повторе уже третье утро подряд. Радио орало так, что дрожали половицы, а на кухне позвякивала посуда в буфете.

На соседней раскладушке завозился Макс. Он сел, сонно моргая, светлые кудри стояли дыбом. Поежился от утренней прохлады — мать Артура всегда проветривала спальню перед сном, и к утру температура падала градусов до пятнадцати.

— Она издевается, — пробормотал Артур, отбрасывая одеяло. Воздух в комнате был холодным и влажным, пахло мятой от спрея на подушках.

Он спустился на первый этаж. Ступени скрипели под его тяжестью — третья снизу особенно выделяла коленца. В коридоре пахло кофе и ванилью — мать уже включила кофеварку. Артур с силой постучал в дверь ванной.

— Лиза, выруби! Мы вообще-то спим!

Вместо ответа щёлкнул тумблер громкости. Мадонна заорала в два раза громче, а из-за двери раздался ехидный смешок и ритмичный стук каблучков — сестра явно начала танцевать прямо на кафеле.

Артур сжал кулаки, пнул косяк — ногу заломило, толку ноль. Поплелся на кухню. Макс, понимая, что в гостях права качать не принято, тихо спустился следом.

На кухне царила идиллия, совершенно не вяжущаяся с грохотом из коридора. София Волкер ловко переворачивала яичницу на чугунной сковородке — масло шипело, пузырилось, разлеталось мелкими каплями. Марк, не отрываясь от кроссворда («Брукфилдский вестник», страница 7), цедил чёрный кофе из любимой кружки с надписью «World's Best Dad». К чашке на блюде прилипла крошка от вчерашнего печенья.

— Доброе утро, сонь, — сказала София, не оборачиваясь. — Лиза уже встала.

— Слышно, — буркнул Артур, плюхаясь на стул.

Через десять минут появилась Лиза — при полном параде. Яркие розовые тени на веках, подведённые глаза, туши на ресницах столько, что они казались паучьими лапками. Новое пышное платье — синее, с белыми горошками, которое она получила на прошлый день рождения и берегла «для особого случая». Случай, судя по всему, настал.

Она плюхнулась на стул, сияя так, будто выиграла в лотерею. София тут же поставила перед ней самую большую тарелку с двойной порцией бекона — хрустящего, поджаристого, с золотистой корочкой.

Артур скрестил руки на груди.

— Мам, это нормально вообще? Она перебудила весь дом, специально выкрутила радио на полную, а ты ей лучший кусок кладёшь?

София замерла с лопаткой в руке и посмотрела на сына с искренним недоумением.

— Артур Волкер. Ты что, забыл, какой сегодня день?

Артур нахмурился, переводя взгляд с матери на сестру. Лиза демонстративно хрустнула беконом, не переставая улыбаться. Во рту у неё что-то хрустело, скворчало, пахло жареным и счастьем.

— Блин... — Артур потер переносицу, чувствуя, как краснеют уши. — Лиз, прости. С днём рождения.

— То-то же, — сказала она с набитым ртом.

Остаток завтрака прошёл в спокойствии. София подложила Артуру ещё яичницы — молча, без комментариев. Марк поднял голову от кроссворда: «Слово из пяти букв, "большая вода"» — «Океан», — ответил Артур. Отец кивнул, вписал. В семь утра родители уехали на работу — Марк завёз Софию к её офису, а сам поехал дальше, на стройку.

В половине восьмого ребята вышли из дома.

Утро выдалось зябким. Над мокрым асфальтом висел лёгкий туман — такой плотный, что фонарные столбы на углу казались призраками. Запах озона и мокрых листьев смешивался с выхлопами редких машин. Возле старого дуба на углу их уже ждал Джек. Он стоял, ссутулившись, вцепившись побелевшими пальцами в лямки рюкзака. Рюкзак был расстегнут — так и шёл, не замечая. Его взгляд — один глаз зелёный, другой голубой — нервно бегал по кустам и теням между домами.

— Джек, ты чего трясешься? — спросил Макс, протягивая руку для приветствия.

Джек вздрогнул, будто его ударили током, и резко обернулся. Руку не пожал — просто уставился на неё, как на незнакомый предмет.

— А? Нет. Ничего. Всё нормально, — он быстро пожал ладонь Макса, но Артур заметил, как влажно блестит у него лоб. Волосы на висках слиплись от пота, хотя утро было холодным.

Никто не стал допытываться. До школы дошли в напряжённом молчании. Только Лиза один раз сказала: «Смотри, жёлтые листья уже падают», — но никто не ответил. Джек смотрел под ноги, Артур смотрел в спину Джека, Макс кусал губу.

26 мая 1985 года. Четверг. 8 часов утра. Школа Брукфилда.

В холле пахло хлоркой и старым паркетом — уборщица мыла полы слишком усердно, и теперь запах отбеливателя щипал глаза. У шкафчиков, как и всегда, дежурила местная «элита». Три абсолютно разные девушки, объединённые только популярностью и презрением к остальным.

Дженни Брукс, рыжая, высокая, затянутая в дорожное платье с чужого плеча (но никто не знал, что с чужого), от которой за метр несло приторно-сладкими духами «Эйфель». Рядом с ней — Эмма Свон в потертых джинсах и черном топе с вырезом; она жевала жвачку, безуспешно пытаясь перебить запах дешёвых сигарет из пачки «Мальборо», которую держала в кармане. Третьей стояла Эмбер Чейз, альбиношка. Белые волосы, белая кожа, белые кроссовки — она казалась выцветшим призраком на фоне подруг. И её водянисто-голубые глаза смотрели на мир с ленивым презрением.

Ребята попытались пройти мимо, глядя в пол. Лиза сжала лямку рюкзака. Макс сунул руки в карманы. Артур выпрямил спину, насколько позволяла подростковая сутулость.

— О, цирк приехал, — громко хмыкнула Дженни, поправляя волосы.

— Смотри, разноглазый сегодня вообще на грани обморока, — Эмма выдула пузырь из жвачки и лопнула его с сухим хлопком. — Что, Джек, клоуны ночью снились?

Эмбер просто тихо засмеялась — коротко, как звон разбитой чашки.

Джек сжался, втянул голову в плечи и ускорил шаг. Артур дернулся в их сторону, но Макс потянул его за рукав:

— Не связывайся.

— Почему?

— Потому что нас выгонят, а им только пятёрку за поведение исправят.

Артур выдохнул через зубы и пошёл дальше. В спину им летел смех.

Уроки начались отвратительно.

На алгебре их поджидали Дерек и Брайс — главные кошмары восьмого класса. Дерек сидел на последней парте, закинув ноги на стул впереди стоящего ученика. Брайс, коренастый, с квадратной челюстью, ковырял в носу и смотрел на дверь в ожидании добычи.

— Эй, мутант! — крикнул Дерек, когда Джек проходил мимо. — Ты каким глазом сегодня списывать будешь? Правым или левым?

Класс грохнул от смеха. Кто-то заржал в голос, кто-то хихикал в кулак, учительница алгебры миссис Флеминг даже не подняла головы от журнала — она давно сдала этот класс.

Джек рухнул за свою парту и уронил голову на руки. Парта пахла старыми чернилами и жевательной резинкой, приклеенной снизу. Он закрыл глаза, но сквозь веки всё равно видел — смеющиеся лица, пальцы, указывающие на него.

Когда прозвенел звонок, вошедший учитель (мистер Харрис, история, он вёл и алгебру по совместительству) остановился у его стола.

— Харрис, тебе плохо? Может, тебе пойти в медкабинет?

Джек резко вскинул голову. Глаза его были красными от сдерживаемых слез. Слезы не вылились — застряли где-то в горле, комком.

— Нормально всё! Отстаньте уже от меня! — сорвался он.

Голос прозвучал громче, чем он хотел. Слова ударили в потолок, отразились от стен. Класс затих. Миссис Флеминг подняла голову. Мистер Харрис поджал губы, но промолчал. Он вернулся к доске и начал писать уравнение, мелом скрипя так, что сводило зубы.

Джек снова уронил голову. Рядом кто-то прошептал: «псих».

После уроков, в столовой, день окончательно покатился в пропасть.

Лиза взяла поднос с макаронами и подошла к столику, где уже сидели Артур, Макс и Джек. Поднос был тяжёлым, пластмассовым, с выщербленными краями. Макароны плавали в бледно-жёлтом соусе, пахли картоном и ностальгией по домашней еде.

— Свободно? — спросила она, кивая на пустой стул.

— Садись, — буркнул Артур, не поднимая головы от тарелки.

Он жевал ножку курицы — сухую, серую, с прожилками. Макс ковырял пюре вилкой, накручивая его на металл, как пасту. Джек не ел вовсе. Сидел, сжимая стакан с компотом, и смотрел в одну точку на стене.

Лиза только начала наматывать макароны на вилку, как мимо пронеслась Дженни Брукс с подносом, переполненным салатами и пирожными. Артур, неся свой поднос обратно на раздачу, засмотрелся на Джека и случайно задел плечом Дженни. Та пошатнулась, поднос накрепился, но устояла.

— Смотри, куда прёшь, придурок! — выплюнула она, стряхивая невидимую пылинку с рукава.

— Да там глаза только для того, чтобы в комиксы пялиться, — скривилась Эмма, проходя мимо с пачкой сигарет, которую она прятала под учебником биологии.

Эмбер молча показала Артуру средний палец и отвернулась. Жест получился грациозным, почти театральным. Пальцы у неё были тонкими, как у пианистки.

Артур хотел что-то сказать — что-то резкое, обидное, взрослое, — но слова застряли в горле. Рядом стоял Макс и тяжело дышал. Джек отвернулся к стене.

— Они просто дуры, — тихо сказал Джек, когда троица ушла в конец столовой. — Не слушай.

Артур глубоко выдохнул. Воздух в столовой пах жиром, подгоревшим маслом и дешёвыми духами Дженни. Кивнул.

Сели за свой столик. Лиза отодвинула макароны — аппетит пропал. Макс съел пюре за две минуты, как обычно, когда нервничал. Джек так и не притронулся к еде. Только компот отпил глоток — кислый, с мутным осадком.

— Артур, — сказала Лиза, — у тебя соус на футболке.

— Плевать.

26 мая 1985 года. Четверг. 4 часа дня. Дом Макса Робинсона.

Макс возвращался домой один.

Артур и Лиза пошли в другую сторону — за хлебом. Джек сказал, что ему нужно на почту, к тётке. Макс не проверял. Он устал от школы, от алгебры, от смеха Дерека, от белых кроссовок Эмбер.

Воздух после обеда стал душным, тяжёлым. Небо затянуло серой пеленой — собирался дождь, но не решался. Подходя к своему крыльцу, Макс краем глаза заметил что-то яркое на старом каштане у забора. Кора дерева была влажной после утренней росы.

Он остановился.

На нижней ветке, слегка покачиваясь от слабого ветра, висела толстая красная нить. Она была завязана в аккуратный, почти подарочный бант — с двумя петельками и ровными концами. Макс нахмурился, подошёл ближе. От нити исходил странный запах — пахло жжёным сахаром и старой театральной пудрой. Сладковато-тошнотворно, как в дешёвых кондитерских.

Он протянул руку, хотел сорвать, но нить была липкой. Прилипла к пальцам, как патока. Он отдернул руку, вытер о джинсы. Нить осталась на месте.

— Ерунда, — сказал он вслух. — Кто-то пошутил.

Отмахнувшись от неприятного предчувствия, Макс зашёл в дом. Родители были на работе — мать в парикмахерской, отец на заводе. В прихожей пахло старыми вещами и пылью. Он бросил рюкзак в коридоре — прямо на пол, раз уж никого нет. Налил себе стакан ледяной воды из-под крана. Вода пахла ржавчиной и хлоркой, но пить хотелось.

Он сделал глоток — горло обожгло холодом — и пошёл в гостиную. По пути включил телевизор для фона. Какие-то новости, диктор с причёской-шлемом говорит о безработице.

Сделав ещё глоток, Макс посмотрел в большое окно, выходящее на задний двор. Там был сад — старые яблони, кусты смородины, качели, которые отец сколотил из досок ещё в прошлом году.

Стакан выскользнул из его пальцев и со звоном разбился о паркет.

По ту сторону стекла, на расстоянии вытянутой руки, стоял человек в грязном, выцветшем цирковом костюме. Костюм был когда-то красным, но краска облезла, открывая серую, пропотевшую ткань. На рукавах — бурые пятна, похожие на старую кровь. Лицо его было покрыто толстым слоем белого грима, который пошёл трещинами — мелкими, как сухая земля. Глаза светились нечеловеческим, желчным светом — жёлтым, как у волка в темноте. Улыбка — широкая, красная, нарисованная далеко за пределами губ — казалась высеченной на лице, как на деревянной маске.

Макс не мог пошевелиться. Его ноги словно вросли в пол. В голове была только одна мысль: «Зачем он смотрит на меня?»

Клоун медленно поднял руку. Пальцы в белой перчатке были измазаны чем-то темным и густым — чернилами, смолой, чем-то, что пахло гнилью даже сквозь стекло. Не сводя горящих глаз с Макса, существо прижало палец к стеклу и с противным, мокрым скрипом начало выводить буквы.

Э-М-Б-Е-Р.

Из-за нарисованной улыбки показался ряд мелких, острых зубов — не как у человека, а как у рыбы: частые, треугольные, в несколько рядов. Изо рта капнула тёмная жидкость, разбилась о подоконник с той стороны, оставила маслянистое пятно.

Дикий, животный крик наконец прорвал оцепенение Макса. Он развернулся, поскользнулся на луже воды от разбитого стакана (ноги разъехались, колено ударилось об угол тумбочки — больно), но вскочил и кинулся на второй этаж. Сердце стучало так, что темнело в глазах.

Захлопнув дверь своей комнаты на замок, он забился под кровать, натянув на голову сброшенное одеяло. Под кроватью пахло пылью и старой обувью. Трясло его так, что стучали зубы — не от холода, от ужаса, который залил всё нутро, как холодная смола.

Он пролежал в пыльной темноте целый час. Слушал каждый шорох в пустом доме — скрип половиц, гул холодильника внизу, далёкий лай собаки на улице. Сердце постепенно успокаивалось, но руки всё ещё дрожали.

Когда тишина стала невыносимой, Макс медленно вылез из-под кровати. В комнате было светло — солнце уже клонилось к закату. Он подошёл к окну, выглянул. На заднем дворе никого не было. Только качалась ветка каштана, и красная нить всё ещё висела на ней, тускло блестя в лучах заходящего солнца.

Макс спустился вниз. На полу кухни всё ещё лежали осколки стакана и лужа воды. Он обошёл их, подошёл к окну.

На стекле, искажённая с внутренней стороны, медленно подсыхала кровавая надпись: «Эмбер». Буквы были неровными, кое-где стёкшими — но читаемыми. Макс смотрел на них, и внутри него что-то ломалось. Не страх. Какая-то последняя опора, на которой держалась его вера в нормальный мир.

26 мая 1985 года. Четверг. 5 часов вечера. Школа Брукфилда. Раздевалка после физкультуры.

Дерек Мартин не торопился домой. Родители были на работе, сестра сидела с няней, а дома — только тишина и запах борща, который мать оставила на плите. Здесь, в раздевалке, пахло потом, дезодорантом и сыростью. Приятный запах. Мужской.

Он скинул спортивную форму, бросил её в сумку, не заботясь, помнётся ли. Пошёл в душ, оставив приятелей — Брайс куда-то умотал, остальные разбежались. Вода была тёплой, почти горячей, с сильным напором. Дерек стоял под струёй, закрыв глаза, и думал о завтрашней субботе. Вечеринка у Дженни. Нужно будет принести что-то выпить — Брайс обещал раздобыть пиво. Хорошо.

Он выключил воду, взял полотенце — чужое, но плевать. Вытерся, накинул на пояс, вышел из душевой.

И тут услышал грохот. Где-то в глубине раздевалки. Будто упал тяжёлый металлический ящик. Или кто-то спрыгнул с верхней полки шкафчика.

— Кто здесь? — спросил Дерек, направляясь на звук. Голос его прозвучал хриловато — вода попала в горло.

Он завернул за угол, где стояли старые скамейки, и замер.

Из угла раздевалки вышла женщина. Лет пятидесяти, в синем халате уборщицы, с ведром и шваброй в руках. Ведро было новым, ярко-красным, с выцветшей наклейкой «Сделано в Китае». Швабра — старой, с разломаченными концами.

— О господи, Дерек, чего так пугаешь? — сказала она, поправляя косынку на голове. — Я думала, спокойно уберусь. А ты вон как орёшь.

— Извините, — сказал Дерек, покраснев. — Я не знал, что вы здесь.

— А кто же ещё? Привидения? — женщина усмехнулась, показав щербатые зубы. — Ты одевайся да иди домой. Поздно уже.

— Угу.

Дерек быстро оделся — джинсы, футболка, кроссовки на липучках — и вышел из раздевалки. На пороге обернулся. Женщина уже возилась в углу, доставая тряпку из ведра. Ведро стояло на том самом месте, откуда она вышла. И на его красном боку, там, где раньше была только наклейка, теперь виднелась белая надпись, выведенная мелом: «ПРИВЕТ».

Дерек моргнул. Надпись исчезла. Или её не было. Он пожал плечами и вышел в коридор. Там пахло хлоркой и дешёвым освежителем.

Он не знал, что через три дня его имя появится на запотевшем стекле в библиотеке. Пока не знал.

А в доме Робинсонов, на втором этаже, Макс сидел на полу, прислонившись спиной к кровати, и смотрел на красную нитку, которая теперь была привязана к его запястью. Он не

помнил, когда это произошло. Может, когда забивался под кровать. Может, когда смотрел в окно. Может, нитка была всегда — просто он не замечал.

Он потянул её. Нитка не поддавалась. Только туже затянулась на коже, оставляя красный след.

Макс закрыл глаза. Перед внутренним взором стояла надпись на стекле: «Эмбер».

— Эмбер Чейз, — прошептал он. — Альбиноска. Белые волосы, белые кроссовки.

Он не знал, зачем повторяет её имя. Просто чувствовал, что должен его запомнить. Что завтра оно может исчезнуть из всех новостей. Но из его памяти — нет.

За окном стемнело. В доме было тихо, только холодильник гудел, и где-то вдалеке лаяла собака. Макс не вставал. Он сидел и ждал.

Чего — сам не знал.

ТОМ 1. ГЛАВА 3.

27 мая 1985 года. Пятница. 6 часов утра. Дом Чейзов.

Эмбер лежала на кровати и листала журналы с моделями.

В комнате пахло духами — «Анаис-Анаис», купленными матерью на распродаже, — и старыми страницами. Журналы были потрёпанными, с загнутыми углами, некоторые страницы выпадали. Эмбер перелистывала их медленно, задерживаясь на рекламе духов и помад. До школы оставалось ещё два часа. Можно было не спешить. Можно было примерять на себя чужие улыбки, чужие платья, чужую жизнь, в которой её белые волосы не вызывали бы шёпота за спиной.

Рядом с кроватью, на старой подушке в ситцевой наволочке, спала её собака — маленький белый пудель по кличке Снежок. Эмбер взяла его, когда он был щенком, — клубок шерсти с мокрым носом, который помещался на ладони. С тех пор они не расставались. Снежок спал рядом с ней каждую ночь, грел её ноги своим тёплым боком, иногда посапывал во сне. Сегодня он лежал, свернувшись калачиком, и его шерсть вздымалась в такт дыханию.

— Сегодня в школу, — прошептала Эмбер, почесывая пуделя за ухом. — Присмотри за домом.

Собака лизнула её в щёку. Язык был тёплым, шершавым.

В окно кто-то постучал.

Эмбер подняла голову. Стекло вибрировало — три удара, тихих, но настойчивых. Она отложила журнал, встала. Подошла к окну, выглянула во двор. Трава была мокрой от росы, качели стояли неподвижно. Внизу, у крыльца, стоял клоун.

Он махал ей рукой. Медленно, широко, как заводная игрушка. На лице его застыла широкая нарисованная улыбка — красная, яркая, слишком большая для человеческого лица. В другой руке он держал старый цирковой билет — жёлтый, истлевший по краям, почти рассыпающийся. Эмбер замерла. Сердце ёкнуло, пропустило удар. Она не узнала его — в городе не было клоунов. Никогда не было.

Она отошла от окна. В груди стучало так, что заболели рёбра. В ушах шумело — или это кровь, или ветер за стеной.

— Показалось, — сказала она вслух. Голос прозвучал тонко, чуждо. — Просто показалось. Он показался.

Она перевела дыхание. Сделала несколько шагов, остановилась. Посмотрела на свои руки — они дрожали. Эмбер сжала их в кулаки, ногти впились в ладони. Боль помогла. Страх отступил на шаг.

— Показалось, — повторила она твёрже. — Крови не бойся, Эмбер. Девочки не боятся.

Она спустилась на первый этаж.

Решила проверить задний двор через кухонное окно — если там кто-то есть, она вызовет полицию. Нет, сначала посмотрит, потом вызовет. Мать научила: сначала убедись, потом действуй. А то придётся извиняться за ложный вызов, а полицейские в Брукфилде не любят, когда их дёргают по пустякам.

Она подошла к окну, выглянула.

Никого.

Трава была мокрой от росы, качели стояли неподвижно. Старый клён шевелил ветвями на ветру, и листья шуршали, как шёпот. Ни клоуна, ни билета. Только утренняя серая муть, запах озона после вчерашнего дождя и далёкий лай соседской овчарки.

Эмбер выдохнула. Дыхание вышло дрожащим, неровным. Она развернулась и пошла в ванную — нужно умыться, собраться, привести лицо в порядок. Тени под глазами наверняка видны — ночь была бессонной, хотя она не хотела себе в этом признаваться.

Она успела сделать несколько шагов по коридору, когда краем глаза заметила что-то красное на полу кухни.

Остановилась. Сердце снова пропустило удар.

Подумала: показалось. Утро, невыспавшиеся глаза, тени от солнца. Сделала ещё шаг.

Потом всё же обернулась.

На полу кухни были следы. Кровавые, размазанные, с длинными пальцами-разводами. Они вели от входной двери к столу, от стола к углу, от угла к...

Эмбер замерла. Она не могла этого видеть минуту назад. Не могла. Следов не было. Она бы заметила. Она всегда всё замечает.

Но следы были здесь. Они всегда были здесь.

Запах — железный, густой, знакомый по прошлому году, когда она разбила коленку на велосипеде, — ударил в нос. В ушах снова зашумело. Эмбер пошла на кухню, обходя лужи крови. Ноги не слушались — как ватные, как чужие, — но она шла. Потому что должна была увидеть. Потому что нельзя не посмотреть, когда знаешь, что там что-то есть. Когда чувствуешь, что там что-то есть.

В углу, у плиты, лежал труп Снежка.

Горло перерезано. Глаза открыты — стеклянные, пустые, как у игрушки. Белая шерсть стала красной. Красной везде — на полу, на стене, на фасаде плиты, где мать жарила яичницу каждое утро. Красное пятно расплзлось по кафелю, как масло по сковороде. Собака не дышала. Не вздрагивала. Не посапывала во сне.

Рядом, на корточках, сидел клоун.

Он поднял голову. Улыбка его была не нарисованной — живой. Она росла, растягивалась, превращалась в бездонную чудовищную пропасть. Ряды зубов — острых, как бритва, как осколки стекла, как иглы дикобраза — мерцали в утреннем свете, пробивающемся сквозь занавески. Из пасти тянуло гнилью и чем-то сладковатым, от чего у Эмбер заслезились глаза, а к горлу подступила тошнота.

— Привет, — сказал клоун.

Эмбер закричала.

Она побежала к лестнице. Ступени скрипели под её босыми ногами — она не успела надеть тапки, — каждая ступенька казалась выше, чем на самом деле. Клоун бросился за ней. Ступени скрипели под его тяжестью — хотя он не казался тяжёлым, он был лёгким, как пух, как тень, как дым. Он догнал её на третьей ступеньке, схватил за шею двумя руками и поднял в воздух.

Эмбер дёргалась, царапала его руки, но пальцы её скользили по гладкой, холодной коже, как по стеклу, как по льду. Клоун раскрыл пасть — шире, чем это было возможно. Шире, чем позволяло человеческое лицо. Шире, чем позволяла анатомия, физика, здравый смысл.

Челюсти сомкнулись.

Мир Эмбер погас.

Хлюпающий звук заполнил комнату. Кровь брызнула на стены, на потолок, на белые шторы, которые мать повесила только на прошлой неделе — шторы из икеевского каталога, с мелким цветочным узором. Узор стал красным. Цветы утонули.

Клоун опустил то, что осталось от Эмбер, на пол. Ноги — только ноги — лежали на ступеньках, обутые в белые кроссовки, которые она получила на день рождения. Кроссовки были новыми, чистыми, ни царапинки. Клоун поднял их, прижал к груди, как драгоценность. Белые кроссовки болтались в его руке, как две маленькие лодки.

Потом нагнулся, поднял билет, который выпал из его руки — жёлтый, истлевший, с цифрой «1» на обороте, которую он только что дописал кровью. Макнул билет в лужу крови и оставил на полу, прямо рядом с ногами. На билете проступила цифра: 2.

Вторая жертва.

Он улыбнулся своей настоящей улыбкой — той, что пряталась под гримом, той, что помнила вкус человечины ещё с древних времён, — и исчез. Не вышел в дверь, не вылез в окно. Просто перестал быть. Растворился в утреннем свете, как сахар в чае.

В доме остались только следы, запах гнили, ноги в белых кроссовках и старый цирковой билет с цифрой два.

Тишина. Потом зазвонил будильник в спальне Эмбер. Он прозвенел пять раз, потом стих. 27 мая 1985 года. Пятница. 8 часов утра. Школа Брукфилда. Столовая.

Джек, Артур, Лиза и Макс сидели в столовой совсем одни.

Остальные ученики толпились у раздачи, шумели, смеялись, стучали подносами. Но этот столик — в дальнем углу, у окна, за которым рос старый клён — был их убежищем. Местом, где можно было говорить тихо и не бояться, что кто-то подслушает.

Макс ковырял вилкой кашу. Каша была серой, жидкой, с комками. Он не ел. Смотрел в тарелку и вспоминал вчерашний день. Клоуна у окна. Надпись кровью. Красную нитку, которая теперь вилась вокруг его запястья и не снималась, сколько он ни пытался.

— Эй, ребят, я тут кое-что рассказать вам хотел, — сказал Макс, не поднимая головы. Голос его был тихим, с хрипотцой.

Ребята посмотрели на него. Лиза положила вилку. Артур отодвинул стакан с компотом.

— В общем, вчера, когда я пришёл домой, ко мне пришёл какой-то странный клоун. — Макс говорил быстро, сбивчиво, как будто боялся, что не успеет. — Я думал, что мне покажется, но потом он резко выскочил на улице у окна — я испугался и упал на пол. Потом он посмотрел на меня и начал на стекле писать имя. Эмбер. Он написал «Эмбер». Я убежал в комнату и зарылся под одеяло.

— Что за бред, Макс? — Артур усмехнулся, но усмешка вышла натянутой. Он сам не верил в то, что говорил. Просто хотел, чтобы это оказалось бредом.

— Это не бред, Артур! Я его лично видел! — Макс ударил ладонью по столу. Ложка подпрыгнула и упала на пол.

— Какие в жопу клоуны? — спросил Артур. Он наклонился, поднял ложку, положил на край тарелки.

— Не веришь?

— Не верю! — воскликнул Артур.

— Ну иди тогда нахер, — обиженно отвернулся Макс.

Джек вспомнил ту встречу с клоуном — у особняка, вечером, когда он шёл домой. Вспомнил скрипучий смех, билет, пальцы в белой перчатке, измазанные чем-то тёмным. И от страха заплакал.

— Его нет! — начал испуганно кричать Джек, со слезами на глазах. — Всё выдумка! Его не существует!

Он зажал уши ладонями, закрыл глаза, но слёзы всё равно текли. Текли по щекам, по подбородку, капали на школьную форму — серую, с выцветшим логотипом школы.

— Его нет! Всё выдумка! Его не существует!

Он начал бить себя по голове — не сильно, скорее машинально, как будто хотел вытрясти страх, как вытряхивают песок из кроссовок. Кулаки стучали по вискам, по макушке, по лбу.

Лиза подошла к Джеку и положила руку ему на плечо.

— Джек, что такое? — испуганно спросила она. — Что с тобой?

— Его нет! Всё выдумка! Его не существует, — повторял Джек снова и снова. Глаза его были красными, нос распух, дыхание сбилось.

Все подошли к Джеку и начали успокаивать. Артур обнял его за плечи, прижал к себе. Макс погладил по спине — неловко, неумело. Лиза взяла за руку, сжала.

— Он здесь, — сквозь слёзы крикнул Джек. — Я видел его. Он звал меня в особняк.

— Джек, успокойся, тут никого нет, — сказала Лиза. Её голос был твёрдым, как у матери, когда та разнимает драку.

— Мы с тобой, дружище! — обеспокоенно воскликнул Артур.

— Мы тебя защитим ото всяких тварей, — уверенно сказал Макс. Он сам не верил в то, что говорит, но слова лились сами собой.

Джек начал успокаиваться. Всхлипывания стали реже, плечи перестали трястись. Все его подбадривали, пытались привести в чувство — кто шуткой («Ты бы видел своё лицо»), кто простым молчаливым присутствием.

— Спасибо вам, ребят, — сказал Джек, вытирая лицо рукавом. Рукав промок насквозь, стал тёмным от слёз. — Просто я тоже видел этого клоуна, как и Макс. Но он был возле особняка «Генезис». Ещё он пытался меня туда завести, но я убежал.

Артур удивлённо посмотрел на Макса.

— Извини, Макс, что не поверил, — виновато сказал Артур. — Я, конечно, до сих пор не верю, но раз уже два человека его видели — поверю.

— Да ничего, я бы тоже не поверил в такой бред, — понимающе сказал Макс.

Вдруг прозвенел звонок на урок. Пронзительно, требовательно, как сирена. Все подскочили.

— Рисование у меня, — сказала Лиза, хватая рюкзак.

— А у нас физра, — сказал Артур, глядя на форму в сумке. — Пошли.

Разошлись по классам.

27 мая 1985 года. Пятница. 9 часов утра. Школьная спортплощадка.

Лето только начиналось, но солнце уже припекало. Асфальт площадки был нагретым, в трещинах, кое-где виднелись прошлогодние разметки. Артур, Макс, Джек и два тихих одноклассника — Джаред и Крис, близнецы, которых никто не мог различить — встали на одну сторону. На другой — Дерек, Брайс и трое их приятелей: коренастые, злые, с лицами, которые хотелось ударить.

Ребята договорились сыграть, чтобы выветрить из головы страх. Макс надеялся, что беготня и мяч сотрут из памяти красную нитку и кровавую надпись. Джек надеялся, что его ударят — тогда боль перекроет страх. Артур просто хотел выиграть.

Первый тайм превратился в избиение.

Команда Дерек играла грубо, агрессивно. Не по правилам — локтями, корпусами, подножками. Дерек легко обошёл Макса, толкнул его плечом (Макс споткнулся и едва устоял) и забросил мяч с глумливым поклоном. Брайс, перехватив пас Артура, крикнул: «Эй, Волкер, это тебе не сестру защищать!» Джек был потерян — боялся получить мяч, делал нелепые передачи, один раз и вовсе отдал его Брайсу, потому что тот закричал «пасуй» и он испугался.

Счёт стал 12:2.

— Слышали, Эмбер-то пропала? — продолжал Брайс, ведя мяч. Он не спешил бросать — дразнил, играл на нервах. — Наверное, свалила от таких зануд, как вы.

Имя Эмбер задело всех. Артур посмотрел на друзей. Макс, красный от злости, вытирал пот рукавом — лицо блестело, волосы слиплись. Джек смотрел в землю, как будто хотел провалиться сквозь асфальт.

— Всё, — тихо сказал Артур. — Хватит. Играем по-настоящему. Джек, ты на подаче. Макс, закрой Брайса.

— А вы? — спросил Джаред.

— А я буду делать то, что умею.

Второй тайм пошёл иначе. Артур отдал точный пас Джеку. Тот, не целясь — просто закрыв глаза и выбросив руку вперёд, — бросил. Мяч чисто прошёл через сетку, даже кольца не коснулся. Свист.

Макс перехватил передачу Брайса — выскочил из-за его спины, как чёртик из табакерки, — и отдал Артуру. Джек сделал два дальних паса — сначала одному из близнецов, потом другому, — заставших команду Дерекса врасплох. Счёт подтянулся до 12:9.

Дерек взбесился. Его игра превратилась в грубую силу. Он толкался, замахивался локтями, один раз чуть не сбил Лизу, которая стояла на обочине и болела. Лиза показала ему язык. За десять секунд до конца матча счёт стал 14:14.

Мяч у Джека. Дерек нёсся на него с рычанием — лицо красное, глаза выпученные, как у бешеного быка. Джек сделал вид, что бросает, заставил Дерекса выпрыгнуть (тот подпрыгнул, раскинув руки, как кузнечик), и резким пасом отдал мяч вырвавшемуся на свободное место Артуру. Тот, не целясь, в прыжке отправил мяч в кольцо.

Свист. Чисто.

Друзья столкнулись в ликующей свалке — хлопали друг друга по спинам, орали, обнимались. Джаред чуть не плакал от счастья. Крис просто улыбался и повторял: «Мы выиграли, мы выиграли».

Радость тут же сдулась, когда Артур, тяжело дыша, поднял глаза на школьные окна. В груди колотилось, воздуха не хватало, но он поднял голову.

На втором этаже, в пустом классе, у стекла стоял человек в пёстром костюме. Он медленно хлопал в ладоши — раз, два, три, без улыбки, без эмоций. Улыбка была красной, нарисованной далеко за пределами губ. Глаз не было видно — только чёрные провалы под козырьком колпака.

Артур моргнул — никого.

Дерек, багровый от ярости, швырнул мяч об асфальт. Мяч отскочил, ударился о стену и укатился в кусты.

— Везучие кретины! Идём, ребята.

Задиры ушли. Площадка опустела. Эйфория угаšla, сменившись тяжестью — свинцовой, вязкой, как грязь после дождя.

— Ничего себе вы их... — один из близнецов с уважением посмотрел на них.

— Мы просто играли вместе, — хрипло сказал Джек. Голос его сорвался, как будто он долго кричал.

Макс обнял его за плечи.

— Так же, как и тогда. Против него.

Все поняли, о ком речь.

27 мая 1985 года. Пятница. 10 часов утра. Школа. Душевая после физкультуры.

Ребята пошли дальше на уроки. Дерек направился в душ, оставив приятелей — Брайс ушёл в столовую, остальные разбрелись. Ему хотелось смыть пот, злость от проигрыша, унижение от того, что эти неудачники выиграли у него.

Он переоделся — скинул мокрую форму в кучу, не глядя, — принял душ. Вода была тёплой, с сильным напором. Дерек стоял под струёй, закрыв глаза, и пытался успокоиться. Не получалось. Перед глазами всё ещё был этот бросок — Артур в прыжке, его зелёные глаза, мяч, входящий в кольцо.

Он выключил воду, укутался в полотенце, вышел.

И услышал грохот.

— Кто здесь? — спросил он, направляясь на звук.

Из угла раздевалки вышла женщина. Лет пятидесяти, в синем халате уборщицы, с ведром и шваброй. Ведро было красным, новым — тот же цвет, что и вчера.

— О господи, Дерек, чего так пугаешь? Я думала, спокойно уберусь.

— Извините, — сказал Дерек, покраснев.

Он быстро оделся — натянул джинсы, футболку, зашнуровал кроссовки — и вышел. Женщина продолжила заниматься своими делами. Он не заметил, что на двери душевой, с

внутренней стороны, кто-то выцарапал его имя. Не кровью — острым предметом, прямо по краске.

Дерек Мартин, 14 лет, пропадет через два дня. Его не найдут. Только один его кроссовок.

А пока он шёл по коридору, толкнул дверь на улицу и вдохнул свежий воздух. Пахло травой и бензином. Хороший день. Проигрыш забудется. Завтра суббота, вечеринка у Дженни. Можно будет расслабиться.

Он не знал, что это его последняя пятница в этом мире.

Не знал.

И это было к лучшему.

ТОМ 1. ГЛАВА 4.

28 мая 1985 года. Суббота. 2 часа дня. Библиотека Брукфилда.

Здание библиотеки стояло в конце улицы Мейпл, зажатое между аптекой и парикмахерской. Оно было старым, кирпичным, с выщербленными ступенями и тяжёлой дубовой дверью, которую нужно было толкать плечом. Над входом висела вывеска с выцветшими буквами: «Брукфилдская публичная библиотека, основана в 1923 году». Кое-кто из старожилов говорил, что в подвале до сих пор хранятся книги, которые не выдавали с сороковых — слишком страшные. Но это были просто байки.

Ребята собрались в книжном мире, чтобы побольше узнать историю города и, возможно, узнать о клоуне.

Внутри пахло пылью, старыми страницами и воском — библиотекарша миссис Гроув, пожилая женщина с пучком седых волос и в очках на цепочке, каждое утро протирала стеллажи специальной мастикой. Сегодня она была не в духе — кто-то залил чернилами читательский формуляр. Сидела за стойкой, поджав губы, и даже не подняла головы, когда ребята вошли.

Джек просматривал книги, в которых хоть немного упоминался Брукфилд. Стопка перед ним выросла до десяти томов — местные хроники, краеведческие сборники, пожелтевшие ежегодники. Листал он осторожно, боясь порвать тонкие страницы. Лиза и Артур рылись в старых газетах — тех самых, что лежали в коробках на нижних полках. Деревянные ящики пахли нафталином и временем.

Макс тем временем расспрашивал библиотекаршу.

— Миссис Гроув, вы не помните, в городе раньше был цирк? Или что-то связанное с клоунами?

Миссис Гроув подняла голову, поправила очки.

— Цирк? — переспросила она, и в её голосе послышалось что-то неопределённое — то ли удивление, то ли предупреждение. — А зачем тебе, мальчик?

— Проект по истории города, — быстро соврал Макс.

Она помолчала, потом покачала головой.

— У нас не было цирка. По крайней мере, постоянно действующего. А что касается клоунов... — она снова замолчала, как будто взвешивала слова. — Старые люди говорили, что в двадцатых годах приезжала какая-то труппа. Представление давали в шатре на пустыре за вокзалом. Но это давно. Я тогда ещё не родилась.

Макс хотел спросить про убийства, но передумал. Взял с полки первую попавшуюся книгу и ушёл к остальным.

— Эй, ребят, взгляните! — крикнул Джек. Голос его прозвучал громко в тишине читального зала. Миссис Гроув шикнула, но он не обратил внимания.

Все подбежали к нему. Лиза чуть не споткнулась о стул, Артур придержал её за локоть.

— Я кое-что нашёл. — Джек развернул пожелтевшую газету, лежавшую на самом дне коробки. Края её крошились, буквы местами стёрлись. — В 1958 году, в ночь с тридцать первого октября на первое ноября, то есть в Хэллоуин, произошло самое крупное убийство. Убили целую семью из семи человек — четверо взрослых и трое детей. Соседи говорят, что видели три красных шара, висящих на крыше дома, и странный силуэт, гуляющий по двору.

Ребята посмотрели друг на друга серьёзными взглядами. Свет лампы над столом мигнул — или показалось.

— Это скорее всего он, — предположила Лиза. Села на край стула, поджав ноги.

— Многие детали сходятся. Шары, силуэт, Хэллоуин — отличное время для убийств, особенно детей, — сказал Макс, кивая. У него всё ещё чесалась рука, которую он потянул вчера, чтобы сорвать красную нитку. Нитка не сдалась.

— Это всё? — спросил Артур.

Джек кивнул. В газете больше ничего не было — только короткая заметка, свёрстанная где-то в углу, рядом с объявлением о распродаже велосипедов.

Все разошлись дальше искать. Макс, ничего не узнав у библиотечарши, пошёл помогать Джеку. Тот уже рылся в новых коробках — из-под пола достал ещё одну, пыльную, с торчащим уголком журнала.

— Как ты, Джек? — спросил Макс, перебирая книги.

— Нормально. А ты как? — вежливо спросил Джек в ответ. Он всё ещё был бледным, под глазами залегли тени, но голос звучал ровно.

— Да тоже нормально, — сказал Макс, почесав затылок. — Просто думаю об Эмбер и той надписи на моём окне.

— Да... не очень получилось, — с досадой сказал Джек.

— Эх, надеюсь, мы найдём что-нибудь об этом клоуне и узнаем, как его остановить, — с надеждой на чудо сказал Макс.

— Было бы неплохо, — согласился Джек.

В библиотеке стояла тишина. Слышно было только, как миссис Гроув листает картотеку за стойкой, и как за окном проехала редкая машина. Ребята активно искали в течение двух часов. Солнце за окном медленно ползло, тени на полу перетекали с одного стеллажа на другой. Артур вспотел — в библиотеке было душно, старые батареи топили даже весной.

— Мы тут ничего не найдём! — безнадежно воскликнул Макс. Он отодвинул очередной ящик, в котором лежали только счета за свет за 1956 год.

— Найдём, надо просто хорошо искать, — уверенно сказал Джек.

Лиза листала газеты, читая текст мелким шрифтом, пока не заболели глаза. Артур просматривал иллюстрации — фотографии старых мэров, городской парк в снегу, пожарная команда на параде. Ничего нужного.

Он устало отодвинул газеты.

— Сейчас приду, — сказал Артур Лизе.

Он пошёл в уборную.

Коридор библиотеки был длинным, тускло освещённым, с высокими окнами, в которые било послеобеденное солнце. Под ногами скрипел паркет. Артур толкнул дверь с табличкой «М» и зашёл внутрь.

В туалете пахло хлоркой и сыростью. Краны были старыми, латунными, с потёками ржавчины. Артур подошёл к раковине, открыл кран. Вода потекла мутная, потом прозрачная. Он начал мыть руки, машинально намыливая ладони жидким мылом из дозатора, которое пахло лимоном и хозяйственным магазином.

Из раковины раздался странный запах. Сначала он не понял — показалось. Но запах становился сильнее. Гнилой, сладковатый, как от старых цветов в могильной вазе, тот самый, что преследовал их у особняка. Артур поднял голову.

В зеркале, тусклом, в потёках, была надпись.

Кровь — или что-то очень на неё похожее — медленно стекала по стеклу, складываясь в буквы:

«ДЕРЕК».

Артур смотрел на своё отражение, и отражение смотрело на него. Лицо было бледным, глаза широко раскрытыми. Он моргнул. Надпись не исчезла.

— РЕБЯТА! СРОЧНО ЗА МНОЙ! — закричал он, вылетая из уборной.

Все подорвались с мест. Миссис Гроув вскочила, выронив картотеку. Лиза уронила блокнот. Макс запутался в стуле. Джек перепрыгнул через стопку книг.

Артур привёл их в туалет и показал надпись на зеркале.

— О господи! — сказал Макс, увидев первым. Он вцепился в косяк двери, пальцы побелели.

— Это было, когда ты только пришёл? — спросил Джек.

— Вроде. Не знаю, не смотрел, — растерянно ответил Артур. — Я просто руки мыл.

— А какая сегодня дата? — спросила Лиза.

— Двадцать восьмое мая. Суббота, — ответил Макс. — А что?

— Сегодня у Дженни день рождения, и она организовала вечеринку у себя. — Лиза побледнела. — А Дерек будет там.

Голос её дрогнул. Она вспомнила, как Дерек вчера на физкультуре толкнул Джека, как смеялся над Артуром, как называл Макса «шибздиком». Плохой человек, но не заслужил.

— А во сколько она начнётся? — тревожно спросил Артур.

— В пять часов вечера, — точно ответила Лиза.

Все помолчали и посмотрели друг на друга. В туалете было тихо, только капала вода из крана — кап-кап-кап — и где-то за стеной шуршала метла уборщицы.

— Что делать будем? — спросил Артур.

Ребята пожали плечами.

— Давайте сходим? — предложил Джек.

— Чтобы он и нас сожрал? — возмутилась Лиза.

— Нет. Раз клоун убивает по одному и наедине, значит, нужно, чтобы рядом с Дерекком была компания, — сказал Джек.

— А мы тут при чём? Там будут его друзья, он не будет один. А если мы туда придём, то будут одни насмешки. Зачем нам это? — спросил Артур.

— Знаете, мне надоело бояться этого тупого клоуна. — Джек повысил голос — впервые за долгое время. — Мы тут просидели два часа и ничего толком не нашли. Скоро лето, а тут такая вечеринка. Почему бы нам не сходить на неё не как изгой школы, а как обычные подростки, радующиеся жизни?

Все задумались. Артур посмотрел на Лизу, Лиза — на Макса, Макс — на Джека.

— Почему нет? — серьёзно спросил Макс.

Ребята согласились.

— Тогда пойдёмте собираться и наконец разорвём танцпол! — воскликнула Лиза. В её глазах загорелся азарт — первый за долгое время.

Все вышли из библиотеки. Миссис Гроув проводила их взглядом, но ничего не спросила. Только покачала головой и взялась собирать рассыпанные карточки.

Ребята пошли по домам. Макс, Артур и Лиза направились к Волкерам. Джек — к себе. На перекрёстке они разошлись. Джек шёл быстро, оглядываясь на особняк «Генезис», который виднелся на холме. Но сегодня клоун не вышел. Только ветер играл в ветвях клёна.

28 мая 1985 года. Суббота. 4 часа дня. Дом Волкеров.

В доме было тихо — родители уехали за продуктами на весь день. Лиза сразу же убежала в ванную — краситься, делать укладку, наряжаться. Из-за двери доносился шум фена и запах лака для волос.

Артур остался в комнате. Он открыл шкаф, долго смотрел на свои вещи — футболки, джинсы, куртки. Всё казалось одинаковым. Он выбрал чёрную футболку — она делала его старше, — узкие джинсы, чёрные кеды.

— Слушай, Артур, можешь дать что-нибудь надеть? — стеснительно спросил Макс. Он стоял в дверях, мусоля край толстовки.

— Да конечно! Что хочешь, то и бери, — не жадничая, ответил Артур.

— Спасибо тебе большое! — обрадовался Макс.

Артур взял всё, что ему нужно, и пошёл одеваться в соседнюю комнату. Макс остался в комнате друга. Он перебрал вешалки, выбрал оранжевую майку-поло, узкие джинсы, белые кеды. Всё было великовато, но он подпоясался ремнём — сошло.

Лиза тем временем была в ванной. Она нанесла макияж — яркие розовые тени, подводку, тушь в три слоя, красную помаду. Помада была маминой, «Рубиновый закат», Лиза стащила её с туалетного столика. Волосы накрутила на бигуди, потом расчесала — получились крупные локоны.

Спустя двадцать минут нарядные ребята спустились на первый этаж.

Макс — в оранжевой майке-поло, узких джинсах и белых кедах. Артур — в чёрной футболке, узких джинсах и чёрных кедах. Лиза — в ярком мини-платье с пышной юбкой (синее в белый горошек, как на день рождения) и туфлях на низком каблуке, которые жали левую ногу, но терпеть можно.

— Пошли! — уверенно сказала Лиза.

Она посмотрела на себя в зеркало в прихожей — красиво. Взросло.

28 мая 1985 года. Суббота. 5 часов вечера. Дом Дженни Брукс.

Дом Дженни стоял в элитном районе Брукфилда — с лужайкой, фонтаном в виде амура, два гаража и кованый забор. Изнутри доносилась музыка — громкая, басистая, с визгом синтезаторов. На крыльце уже толпились гости — кто-то курил, кто-то пил из пластиковых стаканчиков, кто-то просто стоял и смотрел на подъезжающие машины.

Ребята встретились возле дома Дженни и уверенно зашли внутрь. Не оглядываясь.

Все уже вовсю веселились. Музыка гремела, свет был приглушён, разноцветные лампочки мигали в такт ритму. В гостиной танцевали, на кухне пили, в коридоре целовались.

Их встретили не очень хорошо.

— Уууууу, кто к нам пожаловал? — сказала Эмма Свон, подходя к ребятам. Она была в чёрном топе и кожаной юбке, с сигаретой в зубах. Глаза её были подведены так густо, что казались двумя угольными ямами.

— Идите на хер, неудачники! — крикнули несколько человек из толпы.

— Мы пришли к Дженни на день рождения, — уверенно сказал Джек.

Музыка слегка притихла — диджей (девушка Дженни, старшеклассница с огромными наушниками) убавила звук, чтобы послушать. Все остановились, уставившись на «неудачников».

— С пустыми руками на дни рождения не ходят, — усмехнулась Эмма.

— А мы не с пустыми! — воскликнула Лиза.

Все с нетерпением ждали, когда они покажут подарки.

— А где именинница? — спросил Артур у Эммы.

— Сейчас подойдёт, — с ухмылкой ответила та и затянулась, выпустив дым в потолок.

Через десять минут пришла Дженни. На ней было дорогое платье цвета шампанского, на шее — жемчужное кольцо (мамино), на ногах — лодочки на шпильке. Она выглядела как модель из журнала — только глаза были колючими, как всегда.

— Что такое? Почему не отмечаем? — возмущённо спросила Дженни.

— А там группа неудачников пришла, — сказала какая-то девочка, указывая на ребят.

Дженни прошла сквозь толпу, локтями расталкивая гостей.

— Разошлись! — крикнула она, и люди расступились.

Наконец она увидела гостей.

— А они что тут забыли? — высокомерно спросила Дженни у Эммы.

— Они пришли к тебе на день рождения, — ответила Эмма. — Ещё и с подарками!

Дженни подошла к Лизе.

— И что ты принесла мне? — лицемерно спросила она почти шёпотом.

Лиза протянула ей красивый подарочный пакет — серебряный, с бантом. Дженни открыла его и достала дорогую французскую сумку из кожи, которую очень хотела — она видела её в каталоге, даже вырезала картинку. Следом — коробочку с жемчужными серьгами.

Дженни с шоком посмотрела на Лизу.

— Паль? — усмехнулась она.

— Нет. В сумке чеки от всего, — уверенно сказала Лиза.

Дженни проверила чеки — подорожные, с названием бутика в городе. Удостоверившись в подлинности, она положила подарки на комод и подошла к парням с небольшой улыбкой — первой искренней за весь вечер.

Джек протянул дюжину белых роз. Цветы были свежими, с каплями воды на лепестках.

— Это от нас с Максом, — улыбнулся он, притягивая Макса в объятия.

— Приятно пахнут. Спасибо, мальчики, — сказала Дженни. Она понюхала розы, улыбнулась уголком губ. Поставила их в вазу с водой.

Дженни подошла к Артуру.

Артур протянул коробочку с дорогими французскими духами — «Анаис-Анаис», те самые, что она хотела. Дженни открыла её, распылила немного на запястье.

— Вкусные, — сказала она, глядя на Артура, и поставила духи на комод.

Она повернулась ко всем, подняла руки вверх и крикнула:

— ЗАЖИГАЕМ!

Музыка включилась снова — всё тот же бас, всё тот же синтезатор, но теперь громче. Все начали танцевать.

— Развлекайтесь спокойно, — сказала Дженни, глядя на ребят с улыбкой.

Макс посмотрел на Артура и с улыбкой побежал танцевать. Артур — за ним. Они влились в толпу — неуклюже, но с азартом.

Джек с Лизой тем временем сидели на кухне и пили лимонад. Кухня была огромной, с мраморной столешницей и барной стойкой. На столе лежали закуски — канапе, оливки, сырная тарелка. Лимонад был холодным, с пузырьками, приятно щипал язык.

Рядом с ними сидела Эмма. Она уже успела выпить что-то покрепче — стеклянные глаза были видны даже в полумраке.

— Ну как вам вечеринка? — нехотя спросила она ради приличия.

— Всё нравится, — сказал Джек. Он вертел в руках стакан, но не пил — всё ещё боялся.

— Классная! — воскликнула Лиза.

Эмма достала сигарету и закурила — прямо на кухне, хотя Дженни запрещала курить в доме.

— Развлекайтесь, — сказала она недовольно и ушла на улицу, хлопнув дверью.

Джек с Лизой присоединились к Артуру и Максу. В гостиной было душно, пахло духами, потом и дешёвым алкоголем. Ребята веселились, пили разные напитки (Артур — колу, Макс — спрайт, Лиза — сок, Джек — просто воду) и классно проводили время.

В какой-то момент Лиза отвлеклась и в толпе увидела Дерека. Он стоял у выхода в сад, с полным стаканом в руке, и с кем-то разговаривал. Лиза тут же ударила пацанов по плечам и пальцем указала на него.

Все внимание переключилось на Дерека.

Неожиданно он пропал из виду. Просто исчез — как сквозь землю провалился.

Ребята пошли в ту сторону, где его видели в последний раз. Обшарили угол у выхода. Никого.

— Чёрт, — шёпотом сказал Джек.

— Значит так. Нам надо разойтись по дому и попытаться его найти! — скомандовал Артур.

Все разбежались. Артур пошёл на второй этаж. Лиза — в гостиную. Макс — в сад. Джек — в подвал, который был закрыт, но он всё равно проверил дверь.

Обыскали весь дом — каждую комнату, каждый чулан, даже гардеробную Дженни. Дерек нигде не было. Они вернулись на место, где разошлись.

— Его нигде нет! — возмущённо крикнул Макс.

— И куда этот говнюк делся?! — с истерикой спросила Лиза. Голос у неё сел от крика.

— Плохи дела. Если мы его не найдём, то можем спокойно ждать объявление о пропаже на доске почёта, — спокойно сказал Джек.

— Пошлите ещё раз посмотрим? — с надеждой спросил Макс.

Все нехотя согласились и снова разошлись.

28 мая 1985 года. Суббота. 7 часов вечера. Дом Дженни. Ванная комната.

Через пятнадцать минут поисков Артур зашёл в ванную комнату на первом этаже. Она была маленькой, с розовыми обоями и зеркалом в форме сердца. Пахло розами и дешёвым освежителем воздуха.

Он включил холодную воду, облокотился на раковину и взглянул на своё отражение в зеркале. Лицо было бледным — устал, переволновался.

— Дерек, надеюсь, ты жив, — без надежды прошептал Артур.

Он наклонился, умыл лицо. Вода была ледяной, обожгла щёки. Он выпрямился, вытирая лицо тыльной стороной ладони.

— Артур! — раздался откуда-то голос.

Он перепугался, выключил воду и выбежал к ребятам. Дерек никто не нашёл.

— Пошлите тогда домой, — безнадёжно выдохнул Джек.

Они направились к выходу. У двери их догнала Дженни. Она успела переодеться в более удобное платье, но туфли всё ещё были на шпильке.

— Эй, что вы такие кислые? — спросила она с улыбкой.

— Ничего такого. Просто устали. Мы, наверное, пойдём домой, — ответила Лиза со слабой улыбкой. — Спасибо тебе большое за эту прекрасную вечеринку.

— Да, я понимаю. Я хотела кое-что вам сказать, — сказала Дженни. Голос её дрогнул. — Извините меня, пожалуйста, за мои глупые выходки и подколы.

Ребята переглянулись. Артур молчал. Макс смотрел в пол, разглядывая узор на ковре. Джек — в стену, где висела картина с лошадьми.

— Прощаете? — спросила Дженни.

Лиза кивнула первой.

— Конечно, — сказала она, но в её голосе не было прежней теплоты. Только усталость.

Артур посмотрел на Дженни долгим взглядом. В зелёных глазах застыло что-то тяжёлое.

— Посмотрим, — сказал он. — Время покажет.

Дженни кивнула, опустив глаза.

— Спасибо и на том, — сказала она и ушла к толпе.

Ребята вышли из дома и увидели на крыльце Эмму. Она докуривала сигарету, пуская дым в вечернее небо. Небо было багровым — к закату.

— Я случайно подслушала ваш разговор с Дженни, — сказала Эмма, не глядя на них. — И тоже хотела извиниться. Простите меня, ребят. Я дурочка, могу не со зла грубить.

Она протянула руку для рукопожатия — рука была тонкой, с обкусанными ногтями.

Макс не взял её.

— Ладно, — сказал он холодно. — Но это не значит, что мы друзья.

— Я знаю, — сказала Эмма. — Может, когда-нибудь.

Она развернулась и ушла в дом.

Ребята двинулись к дому Джека. По пути они всё время смотрели в сторону особняка «Генезис». Особняк стоял на холме, чёрный, молчаливый. Окна его были тёмными, но Артуру показалось, что в одном из них зажглась спичка — и погасла.

— Пока, ребят, — сказал Джек, обнял всех и зашёл на территорию дома. Калитка скрипнула, закрылась.

Остальные решили не проходить мимо особняка и пошли обходным путём — через парк, мимо старых дубов. Артур и Лиза проводили Макса до его дома.

— Удачи, Макс, — сказал Артур.

Макс кивнул — молча, одними глазами — и зашёл в дом. В окне зажёгся свет — мать ждала его с ужином.

Артур и Лиза пошли к себе. На улице стемнело, зажглись фонари — старые, тусклые, с жёлтым светом. Родители уже накрыли стол ужином — суп с фрикадельками, жареная курица, компот.

— Вы где были? — спросила София, ставя тарелки.

— У Дженни на дне рождения, — ответила Лиза.

— А... той самой? — Марк отложил газету.

— Да, пап, той самой.

— И как?

— Нормально, — сказал Артур. — Они извинились.

Отец хмыкнул, но ничего не сказал. Просто подвинул сыну тарелку.

Артур и Лиза сели за стол. Вкусный ужин, горячий, домашний. Артур не чувствовал вкуса. Но ел — потому что надо. Потому что это нормально.

Потому что хотелось, чтобы хоть что-то было нормально.

ТОМ 1. ГЛАВА 5.

28 мая 1985 года. Суббота. 9 часов утра. Дом Свон.

Эмма проснулась от того, что солнце било прямо в глаза.

Она не помнила, когда в последний раз закрывала шторы перед сном. Или не закрывала? Она села на кровати, потирая лицо ладонями, и попыталась вспомнить вчерашний вечер. Вечеринка Дженни. Эти странные ребята — Волкеры и их друзья. Дерек. Она помнила, как Дерек исчез в толпе, как эти неудачники бегали по дому, что-то высматривая. Как они с Дженни потом извинялись. Как шла домой одна, потому что Дженни осталась разбираться с гостями.

Комната была залита светом — жёлтым, настырным, сквозь немытое окно. На тумбочке стояла кружка с остывшим чаем, на дне плавали размокшие заварки. В углу валялась вчерашняя одежда — чёрный топ, джинсы, лифчик, который она скинула на ходу.

А потом — тишина.

Нет. Не совсем тишина.

Эмма нахмурилась, пытаясь ухватить обрывок воспоминания. Когда она заходила в дом, ей показалось, что кто-то смотрит со стороны улицы. Она обернулась — никого. Только красный шарик, привязанный к почтовому ящику. Она подумала, что это чья-то глупая шутка, сняла его, хотела выбросить, но почему-то не выбросила. Положила на крыльцо. Зачем?

Она встала с кровати. Пол под ногами был холодным — мать не включала отопление с апреля, экономила. Простыня сбилась в ком, подушка сползла на пол. Эмма подошла к окну, одёрнула занавеску.

Ни шарика, ни бечёвки. Только мокрая трава и соседский кот, который сидел на заборе и смотрел на неё жёлтыми глазами.

— Я же его вчера видела, — прошептала она вслух, словно надеясь, что голос подтвердит реальность воспоминания.

Кот моргнул и спрыгнул в кусты.

Она спустилась на первый этаж. Ступени лестницы скрипели — третья снизу издавала особенно противный звук, похожий на писк мыши. Дом был пуст — мать ушла на вторую смену ещё вчера вечером и вернётся только к вечеру. На кухонном столе стояла холодная кружка кофе и записка, придавленная солонкой: «Деньги на столе. Не шали. Ужин в холодильнике».

Эмма вылила кофе в раковину — коричневая жижа потекла по эмали, оставляя разводы, — налила себе стакан воды из-под крана. Вода пахла хлоркой и ржавчиной, но пить хотелось. Она сделала глоток и замерла.

За окном кухни, на заднем дворе, стоял тот самый красный шарик.

Он висел ровно посередине двора, на высоте человеческого роста, словно его кто-то держал за нитку. Но никого рядом не было. Шарик слегка покачивался, хотя ветра не чувствовалось. Трава под ним была примятой — круглой ложбинкой, как от тяжёлого предмета.

Эмма поставила стакан, медленно подошла к двери. Ручка была холодной, липкой от утренней влаги. Она толкнула дверь, вышла на крыльцо.

Воздух пах озоном и мокрой землёй — ночью прошёл дождь. Босиком было холодно, ступни покрылись мурашками. Она спустилась на одну ступеньку, на вторую.

— Есть тут кто? — спросила она в пустоту.

Тишина. Только капли с крыши падали в жестяное ведро.

Она сделала шаг вниз, второй. Подошла к шарикю на расстояние вытянутой руки. Протянула руку, чтобы схватить его, но в тот момент, когда пальцы почти коснулись латекса, шарик дёрнулся в сторону. Рывком, резко, как живой.

Эмма одёрнула руку.

— Это не смешно, — сказала она, оглядываясь по сторонам. — Выходи.

Никто не вышел.

Она развернулась и быстро зашла обратно в дом, захлопнув дверь. Заперла на замок. Отошла на шаг, потом на второй. Посмотрела в окно. Шарик всё ещё висел во дворе. Теперь он слегка покачивался в такт её дыханию — или ей только казалось.

Эмма решила, что это просто недосып. Или эти идиотские разговоры про клоуна, которые она подслушала в школе. Ей показалось тогда, что Волкер и его друзья говорили это всерьёз. Но кто в здравом уме поверит в клоуна-убийцу? Это же не фильм ужасов. Это реальная жизнь. А в реальной жизни пропадают дети, потому что сбегают из дома или попадают под машину. А не потому что их забирают клоуны из заброшенных особняков.

Она поднялась к себе, переоделась в джинсы (те же, что вчера, только вытряхнула из карманов жвачку) и чёрный топ с вырезом. Наскоро расчесала волосы — расчёска застревала в колтунах. На кухне взяла со стола деньги — две десятки и мелочь — и вышла через переднюю дверь, даже не взглянув на задний двор.

По дороге к Дженни она пыталась выкинуть из головы шарик, но он застрял где-то на задворках сознания, как заноза. Она всё время оборачивалась, проверяя, не идёт ли кто за ней. Никого. Только редкие машины, старушка с сумкой на колёсиках (колёса скрипели на всю улицу) и чей-то рыжий кот, сидящий на заборе. Тот самый? Она не помнила.

28 мая 1985 года. Суббота. 10 часов утра. Дом Дженни Брукс.

Дом Дженни стоял в конце тихой улицы, окружённый аккуратно подстриженными кустами и двумя старыми дубами. Вчерашние гости давно разошлись, на лужайке валялись скомканные салфетки и пластиковые стаканчики. Кто-то оставил кепку на кусте роз — красную, с логотипом бейсбольной команды.

Эмма поднялась на крыльцо, нажала на звонок. Внутри разнёсся мелодичный перезвон — бабушка Дженни подарила ей этот звонок на прошлое Рождество, игрушка из Швейцарии.

Дверь открыла сама Дженни. Она была без макияжа, в простой футболке и джинсах — так Эмма видела её редко, может, пару раз за всё время дружбы. Волосы собраны в небрежный пучок на затылке, под глазами тени. Глаза у Дженни были красные, словно она не спала всю ночь или плакала.

— Ты чего такая? — спросила Эмма, проходя внутрь. В прихожей пахло кофе и ванильными свечами.

— Заходи, — тихо сказала Дженни, закрывая дверь. — Мне нужно тебе кое-что показать.

Они прошли на кухню. Дом был большим, с высокими потолками и дорогой мебелью, но сегодня он казался пустым — будто все вещи съёжились, прижались к стенам. На столе лежала школьная газета, которую Эмма вчера не успела прочитать. Дженни развернула её и ткнула пальцем в маленькую заметку на второй странице.

«Пропажа без вести: Дерек Мартин, 14 лет, не вернулся домой после школьной вечеринки. Родители обратились в полицию. Если вам что-либо известно, просьба звонить по указанному номеру».

— Это он? — спросила Дженни. — Тот самый Дерек? Который был у меня?

— Да, — сказала Эмма, глядя в заметку. — Но он же просто ушёл. Мы все видели, как он ушёл.

— Ты видела? — Дженни посмотрела на неё в упор. — Я никого не видела. Я помню, что он был, а потом его не стало. Все эти неудачники бегали по дому, что-то искали. А потом они ушли, и Дерек всё ещё не было.

— Дженни, — Эмма отложила газету. — Ты что, правда думаешь, что этот... этот клоун, о котором они говорили... ты думаешь, это правда?

— Я не знаю, что думать, — Дженни села на стул, обхватив себя руками. Ногти у неё были обкусаны — она грызла их, когда нервничала, что случалось редко. — Но Эмбер пропала. Дерек пропал. А эти... они что-то знают. Я видела их лица вчера. Они не притворялись.

Эмма хотела сказать что-то ободряющее, но в голову лез только красный шарик, висящий посреди двора. Она промолчала.

Дженни вдруг подняла голову и посмотрела на неё с таким выражением, которого Эмма раньше не видела. Не высокомерным, не насмешливым. Испуганным.

— Ты останешься у меня сегодня? — спросила Дженни. — Мама с папой уехали к бабушке, я одна. Совсем одна. В доме так тихо, что слышно, как мыши скребутся.

— Конечно, — сказала Эмма. — Останусь.

28 мая 1985 года. Суббота. 12 часов дня. Дом Дженни. Гостиная.

День тянулся медленно.

Они попытались смотреть телевизор — старый «РСА» с выпуклым экраном, — но ни одна из них не могла сосредоточиться. Дженни переключала каналы с пульта, который у неё дрожал в руке: мыльная опера, новости, передача про собак, опять новости. В новостях ничего не говорили про Дерека — только про повышение налогов и новый торговый центр.

Эмма несколько раз ловила себя на том, что смотрит в окно. На улице было солнечно, но она всё равно ждала — появления шарика или чего похуже.

Дженни перебирала свои украшения — сидела на полу, разложив на ковре браслеты, серёжки, кольца. Но делала это механически, без обычного удовольствия. Одно кольцо — серебряное, с бирюзой — она покрутила, положила обратно, потом снова взяла.

— Эмма, — сказала Дженни, не поднимая головы.

— М?

— Ты боишься?

— Чего?

— Того, что они сказали. Про клоуна.

Эмма помолчала. Взяла пульт, выключила телевизор. Тишина ударила по ушам.

— Я не знаю, чему верить, — сказала она. — Но шарик я видела. Красный. Он висел у меня во дворе утром.

Дженни подняла голову.

— Какой шарик?

— Красный. Привязанный к почтовому ящику. Я сняла его, положила на крыльцо. А утром он висел во дворе. Посередине. Без нитки.

Они замолчали. За окном проехала машина — низкий гул, потом тишина.

— Давай поедим, — сказала Эмма. — Голод — не тётка.

Они прошли на кухню. Дженни достала из холодильника сыр, хлеб, колбасу. Порезала всё на доске — аккуратно, как учила мать. Эмма налила две кружки чая — пакетики «Липтон», заварка бледная, почти прозрачная.

Ели молча. Хлеб был вчерашним, но сыр — хороший, швейцарский. Дженни заедала страх, Эмма жевала без вкуса, просто чтобы занять рот.

Около четырёх часов дня раздался звонок в дверь.

Дженни вздрогнула. Вилка выпала из её руки, звякнула о тарелку. Она посмотрела на Эмму.

— Ты кого-то ждёшь? — спросила Эмма.

— Нет. Никого.

Они подошли к двери. Дженни выглянула в глазок — дверной, с широким углом обзора, который подарил отец на Новый год. Отступила на шаг.

— Там тот парень. Друг Волкера.

— Макс? — Эмма отодвинула её, посмотрела сама.

На крыльце стоял Макс — кудрявые русые волосы, узкие плечи, в той же оранжевой майке-поло, что и вчера. Он выглядел нервным, постоянно оглядывался через плечо, пританцовывал от холода — хотя на улице было тепло.

Эмма открыла дверь.

— Вы чего? — спросил он, глядя то на Эмму, то на Дженни. — Мы к вам стучались полчаса назад. Думали, вас нет.

— Мы никого не слышали, — сказала Дженни, выглядывая из-за плеча Эммы. — Что тебе надо?

— Нам надо поговорить, — Макс переступил с ноги на ногу. Кеды у него были грязными — он, видно, шёл через парк. — Это важно. Про клоуна.

Эмма почувствовала, как внутри что-то сжалось. Она хотела захлопнуть дверь, сказать, что это всё ерунда, что они не хотят ничего слушать. Но вместо этого спросила:

— Какого клоуна?

Макс посмотрел на неё. В его глазах был страх. Не тот наигранный, который бывает, когда рассказывают страшилки на ночь у костра. Настоящий. Глубокий. Такой, который поселяется в груди и не выходит.

— Того, который убил Эмбер, — сказал он. — И который теперь охотится на вас.

28 мая 1985 года. Суббота. 4 часа дня. Дом Дженни. Гостиная.

Они сидели в гостиной. Дженни на диване, поджав ноги, Эмма в кресле, подавшись вперёд. Макс расположился на пуфике напротив — ёрзал, не находил места.

За окном начинало темнеть — рано для мая, тучи набежали с запада.

Макс рассказал всё:

— Джек видел клоуна у особняка. Я сам видел надпись на стекле. Кроули — так он представился — написал имя Эмбер. А потом Эмбер исчезла. В библиотеке на зеркале появилось имя Дерек. И Дерек пропал. Клоун не просто пугает — он убивает. И он выбирает имена.

— На моём окне было написано «Эмбер», — сказал Макс. — Она умерла на следующий день. Потом в библиотеке появилось «Дерек». И он пропал. А потом, когда мы вернулись с вечеринки, я зашёл к себе и увидел новые имена на стекле.

— Какие? — спросила Эмма.

Макс посмотрел на неё, потом на Дженни. Взял паузу, сглотнул.

— Ваши, — сказал он. — Дженни и Эмма. Он написал их на моём окне кровью. Следующие — вы.

В комнате повисла тишина. Дженни побелела как мел. Эмма почувствовала, как по спине пробежал холод — от поясницы до затылка, как чья-то ладонь.

— Это розыгрыш, — сказала она, но голос прозвучал неуверенно. — Ты с Волкером решили нас разыграть, да? За то, что мы над вами смеялись?

— Мне плевать, как вы надо мной смеялись, — ответил Макс. Голос его стал твёрже. — Я видел этого клоуна. Он стоял у моего окна, смотрел на меня и писал кровью ваши имена. Это не шутка.

— А где доказательства? — Эмма встала. Кровь прилила к лицу. — Где трупы? Где полиция? Если бы кто-то убил Эмбер, это было бы в новостях, а не только в школьной газете!

— Потому что их не находят, — сказал Макс. — Он забирает их. Полностью. От Эмбер остались только ноги. Дерек мы вообще не нашли. Полиция не знает, что искать. Они думают, что это пропавшие подростки, сбежавшие из дома.

— Откуда ты знаешь про ноги? — прошептала Дженни.

Макс замолчал. Посмотрел в пол. Ковёр был персидским, дорогим, с длинным ворсом. Он провёл по нему пальцем, собирая нитки.

— Мы были у неё дома, — сказал он наконец. — После того, как она пропала. Входная дверь была открыта. На кухне... там была кровь. И цифра два. Он оставляет цифры. Эмбер была второй.

— Кто был первой? — спросила Эмма.

— Эрик Прескот. Из восьмого класса. На прошлой неделе.

Эмма вспомнила. Все говорили, что Эрик уехал к родственникам. Никто не спрашивал подробностей. Никто не хотел знать.

— Почему вы не пошли в полицию? — спросила Дженни.

— А что мы скажем? — Макс горько усмехнулся. — «Здравствуйтесь, нас преследует клоун-убийца, который живёт в заброшенном особняке и пишет имена кровью на окнах»? Нас бы отправили к психологу, а самих бы оставили дома. А он бы пришёл. Как пришёл к Эмбер. Как пришёл к Дереку.

Эмма села обратно на диван. Голова шла кругом. Она хотела не верить. Всё внутри кричало, что это бред, что такие вещи не случаются в реальной жизни. Но красный шарик во дворе не выходил из головы. И странное ощущение, что за ней следят, когда она шла сегодня к Дженни. Тот кот на заборе. Та старушка с сумкой — слишком медленная, слишком внимательная.

— Что нам делать? — тихо спросила Дженни.

Макс посмотрел на неё. В его взгляде появилась твёрдость, которой Эмма раньше не замечала — ни в школе, ни на вечеринке.

— Мы собираемся сегодня вечером, — сказал он. — Все. Артур, Лиза, Джек, я, и вы. Нам нужно быть вместе. Он охотится на одиночек. Если мы разделимся — мы умрём. Все.

— Вечером? — переспросила Эмма. — Где?

— Артур найдёт место. Он сказал передать вам адрес. — Макс достал из кармана смятую бумажку и протянул Эмме. — Приходите. Пожалуйста.

Он встал, направился к двери. На пороге обернулся — кедой задел косяк, оставив чёрный след.

— Я знаю, мы не были друзьями. Я знаю, вы думаете, что мы неудачники. Может, так и есть. Но он не разбирает, кто крутой, а кто нет. Он просто убивает. И если вы не придёте, то завтра ваши имена появятся ещё где-нибудь. А послезавтра — уже не появятся, потому что вас не будет.

Он вышел, тихо закрыв за собой дверь.

Дженни и Эмма остались одни.

— Это безумие, — сказала Дженни. — Полное безумие.

— Я знаю, — ответила Эмма.

Она смотрела на бумажку в руке. На ней было написано: «Заброшенный гараж на Третьей улице. 8 вечера».

— Ты пойдёшь? — спросила Дженни.

Эмма подняла глаза. В окне гостиной, на фоне сумеречного неба, она заметила отражение. Маленькое, красное. Она резко обернулась — за окном ничего не было. Только улица и соседний дом. Но она знала, что видела.

— Пойду, — сказала Эмма. — И ты пойдёшь.

28 мая 1985 года. Суббота. 8 часов вечера. Заброшенный гараж на Третьей улице.

Они вышли из дома в сумерках.

Дженни хотела взять с собой что-нибудь — хотя бы нож с кухни, но Эмма сказала, что от ножа против такого не будет толку. Она сама не знала, откуда в ней эта уверенность. Просто чувствовала.

Гараж на Третьей улице стоял заросший плющом, с ржавыми воротами и выбитыми окнами. Старая вывеска «ШИНОМОНТАЖ» ещё держалась на одной заклёпке, раскачиваясь на ветру. Внутри горел тусклый свет — кто-то принёс фонари.

Они зашли внутрь.

Пахло сыростью, бензином и старыми тряпками. Бетонный пол был в масляных пятнах, стены — в граффити, которые рисовали ещё в семидесятых. В углу стоял ржавый подъёмник, на котором кто-то забыл крышку.

Там уже были все. Артур, Лиза, Макс, Джек. При виде девчонок никто не усмехнулся, не сказал колкость. Артур просто кивнул — коротко, как взрослый.

— Вы пришли, — сказал он. — Садитесь.

Эмма и Дженни сели на старый ящик из-под инструментов. Дерево было холодным, шершавым. В гараже пахло сыростью и бензином. Лиза, самая младшая из всех, стояла в центре, держа в руках блокнот. Она выглядела серьёзной — гораздо серьёзнее, чем Эмма ожидала. Ни следа вчерашнего розового платья и маминой помады.

— Мы должны кое-что обсудить, — начала Лиза. — И у нас не так много времени.

Дженни сидела рядом с Эммой, её руки дрожали. Эмма незаметно взяла её за запястье и сжала. Дженни посмотрела на неё, и в глазах появилась благодарность.

— Рассказывайте всё, что знаете, — сказал Артур, глядя на девчонок. — Каждую деталь. Даже если кажется, что это не важно.

Эмма сделала глубокий вдох. Воздух в гараже был спёртым, но она всё равно вдохнула полной грудью.

— Сегодня утром, — начала она, — я видела красный шарик у себя во дворе...

Она рассказала всё. Про шарик, про ощущение, что за ней следят, про то, как он покачивался без ветра. Дженни рассказала, как не спала ночь, потому что слышала смех под окном, но боялась выглянуть. Голос её срывался, но она держалась.

Когда они закончили, в гараже стало тихо. Только ветер свистел в выбитом окне и где-то далеко лаяла собака.

— Он приближается, — сказал Джек. — Он выбрал их. Как выбрал Эмбер. Как выбрал Дерека.

— Но мы не дадим, — твёрдо сказала Лиза. — Мы будем вместе. Все.

Эмма посмотрела на этих людей, которых ещё вчера считала никем. На Артура, который сидел с каменным лицом, но она видела, как его руки сжимаются в кулаки. На Макса, который пришёл к ним, хотя мог бы просто остаться в стороне. На Джека, который боялся больше всех, но всё равно пришёл. На Лизу, самую маленькую, которая говорила так, будто ей не тринадцать, а все тридцать.

— Хорошо, — сказала Эмма. — Мы с вами. Что дальше?

Артур посмотрел на неё, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Дальше, — сказал он, — мы узнаем, как его убить.

Эмма кивнула. Она всё ещё не до конца верила в клоуна. Всё ещё надеялась, что это окажется страшным сном. Но если это правда — она не собиралась сидеть и ждать, пока её имя станет следующим на окне.

Она не была жертвой. Она никогда ею не была.

28 мая 1985 года. Суббота. 10 часов вечера. Дорога домой.

Они вышли из гаража.

Ночь была тёмной, безлунной. Фонари на Третьей улице не горели — перегорели ещё в прошлом году. Эмма и Дженни шли вместе, плечо к плечу. Артур, Лиза и Макс свернули в другую сторону — к Волкерам.

— Ты как? — спросил Макс, когда они отошли на полквартала.

— Нормально, — ответил Артур. — А ты?

— Руки дрожат.

— У всех дрожат.

Они замолчали. Только шаги по асфальту — шарк-шарк-шарк.

— Артур, — сказала Лиза.

— М?

— Ты веришь, что мы сможем?

— Должны.

— Это не ответ.

— Другого нет.

Они завернули за угол. Вдалеке, на холме, чернел силуэт особняка «Генезис». Сегодня в его окнах никто не горел. Но они знали — это не значит, что внутри пусто.

А в гараже, после того как все ушли, мигнула лампочка, привязанная к балке. Один раз. Потом снова загорелась ровным светом.

Старый цирковой билет, оставленный на ящике, дрогнул, перевернулся сам собой. На нём проступила цифра, которой раньше не было — не единица, не двойка.

3.

Кроули знал, куда они пойдут. Он всегда знал. И ждал.

ТОМ 1. ГЛАВА 6.

29 мая 1985 года. Воскресенье. 8 часов утра. Дом Волкеров.

Артур проснулся от того, что кто-то тряс его за плечо.

— Вставай, — сказала Лиза. Она уже была одета — джинсы, свитер, волосы собраны в хвост. — Завтрак готов.

— Который час? — прохрипел Артур, не открывая глаз.

— Восемь. Мать ушла в церковь, отец на стройке. Мы одни.

Артур сел на кровати. Голова гудела — вчера легли поздно, после встречи в гараже. Он посмотрел в окно. Утро было серым, с мелким дождём, который барабанил по подоконнику.

— Макс придёт? — спросил он.

— Уже здесь. Ждёт внизу.

Артур натянул джинсы, футболку, спустился на кухню. Макс сидел за столом, пил чай с печеньем. Под глазами у него залегли тени — он явно не спал.

— Ты как? — спросил Артур, садясь напротив.

— Нормально, — сказал Макс, но голос его дрожал. — Мне снился клоун. Стоял у кровати и смотрел.

— Что он делал?

— Ничего. Просто смотрел. Я проснулся — его не было. Но на подушке осталась красная нитка. Такая же, как на запястье.

Макс закатал рукав. Нитка была на месте — туго затянутая, вьёвшаяся в кожу.

— Я пробовал срезать, — сказал он. — Нож тупится.

— Не срезай, — сказала Лиза, ставя на стол тарелку с яичницей. — Может, это связь.

— С кем?

— С Джеком. Или с Кроули.

Артур взял вилку, но есть не стал. Смотрел на яйца, которые мать пожарила до хрустящей корочки, и думал о вчерашнем. О Дженни и Эмме, которые согласились прийти. О письме, которое они ещё не получили. О том, что сегодня нужно идти к бабушке Дженни.

— Встречаемся в гараже в два, — сказал он, наконец отрезая кусок яичницы. — Не опаздывайте.

— Я позвоню Джеку, — сказала Лиза. — Он сказал, что хочет помочь с поиском.

— Помочь? — Макс усмехнулся. — Он боится собственной тени.

— Он боится, но он здесь. Это важнее.

29 мая 1985 года. Воскресенье. 2 часа дня. Заброшенный гараж на Третьей улице.

В гараже было холодно, даже несмотря на то, что на улице давно рассвело. Стены из шлакоблока держали сырость, а выбитые окна пропускали ветер, который шевелил страницы блокнота Лизы. Ребята сидели на старых ящиках и сломанных стульях, найденных тут же. Никто не улыбался.

Эмма пришла последней, с Дженни. Она выглядела так, будто не спала всю ночь, — красные глаза, бледное лицо, руки в карманах куртки. Дженни держалась рядом, как привязанная.

— Значит так, — начал Артур, обводя всех взглядом. — Мы ничего о нём не знаем. Вообще ничего. Откуда он взялся, чего хочет, как его остановить — пусто. Поэтому первое, что нам нужно сделать, это найти информацию.

— И где мы её найдём? — спросила Эмма. Она сидела, скрестив руки на груди, и выглядела так, будто всё ещё не до конца верила, что участвует в этом. — В библиотеке мы уже были. Ничего.

— Не всё, — сказала Лиза. Она раскрыла блокнот, где были аккуратно записаны даты, имена и места. — Мы нашли статью про семью из 1958 года. Но там было только про убийство. Ни про клоуна, ни про то, откуда он взялся.

— Может, он взялся из ниоткуда, — тихо сказал Джек. — Может, он всегда был. Как... как воздух. Или как смерть.

— Не говори так, — оборвала его Лиза. — Всё имеет начало. Даже если это... это существо.

— Слушайте, — вмешался Макс. — А что если спросить у стариков? Ну, у тех, кто давно живёт в городе. Может, они что-то слышали?

— Моя бабушка, — неожиданно сказала Дженни.

Все повернулись к ней. Она сидела рядом с Эммой, обхватив себя руками, и смотрела в пол. В гараже было сыро, и она зябко куталась в куртку.

— Моя бабушка, — повторила она. — Она живёт здесь с восемнадцатого года. Ну, с того времени, как вышла замуж за деда. Она всегда говорила, что этот город... странный. Что в нём что-то не так.

— И что именно? — спросил Артур.

— Она не говорила. Просто... ворчала. Я не слушала. — Дженни подняла глаза. — Но она рассказывала страшные истории. Когда я была маленькой. Про детей, которые пропадали в лесу. Про дом, куда нельзя ходить.

— Особняк «Генезис», — сказал Макс.

Дженни кивнула.

— Тогда пошли к твоей бабушке, — сказал Артур, поднимаясь.

— Она не станет с вами разговаривать, — покачала головой Дженни. — Она старая, никого не пускает в дом. Только меня.

— Тогда иди ты, — сказала Эмма. — Ты и Лиза. Вы вдвоём. Она девочек пустит.

— Почему я? — удивилась Лиза.

— Потому что ты умеешь задавать вопросы, — сказал Артур, глядя на сестру. — И потому что бабушке Дженни будет легче говорить с двумя девочками, чем с толпой подростков.

Лиза кивнула.

— Хорошо. Мы ходим.

— А мы пока поищем в другом месте, — сказал Макс. — В городском архиве. Если он есть.

— Он есть, — сказала Дженни. — На втором этаже старой мэрии. Но туда просто так не пускают. Нужно разрешение.

— Тогда мы найдём способ, — сказал Артур. — Не в первый раз.

Эмма усмехнулась. Не зло, а скорее удивлённо.

— Вы всегда такие? — спросила она. — Такие... уверенные?

— Нет, — честно ответил Артур. — Но если мы будем бояться, он победит. А я не хочу, чтобы он победил.

29 мая 1985 года. Воскресенье. 3 часа дня. Дорога к бабушке Дженни.

Лиза и Дженни шли по окраине Брукфилда, где асфальт переходил в грунтовку, а фонарные столбы кончались. Дома здесь были старыми, деревянными, с покосившимися крышами и заросшими палисадниками. Кое-где на верёвках сушилось бельё — серое от многократных стирок.

— Далеко ещё? — спросила Лиза.

— Минут десять, — ответила Дженни. — Она живёт у самого леса.

Воздух пах сырой землёй и прелыми листьями. Где-то за деревьями кричала ворона. Лиза оглядывалась по сторонам, запоминая дорогу — на случай, если придётся идти одной.

— Ты боишься своей бабушки? — спросила она.

— Нет, — Дженни помолчала. — Но она странная. Вечно бормочет что-то про духов и знаки. Мать говорит, что она выжила из ума.

— А ты так думаешь?

— Не знаю. Но она никогда не ошибалась. В прошлом году сказала, что сосед умрёт. Через месяц его хватил удар.

Лиза поёжилась.

Они свернули за угол, и перед ними открылся дом. Старый, деревянный, с покосившимся крыльцом и ставнями, которые давно не открывались. Крыша была покрыта мхом, труба кривая, на заборе висела ржавая вывеска: «Осторожно, злая собака». Собаки не было видно.

Дженни подошла к двери, постучала три раза, как её учили в детстве.

— Бабушка, это я, Дженни. Я не одна. Со мной подруга.

Дверь открылась не сразу. За ней стояла маленькая сгорбленная женщина в тёмном платке и длинной юбке. Её лицо было изрезано морщинами, глубокими, как трещины в сухой земле. Глаза смотрели остро и внимательно — молодые глаза на старом лице. Она посмотрела на Дженни, потом на Лизу.

— Проходите, — сказала она хриплым голосом. — Только обувь снимите. Полы мыла.

29 мая 1985 года. Воскресенье. 3 часа 30 минут дня. Дом бабушки Дженни.

Внутри дом пах травами, старым деревом и ещё чем-то, что Лиза не могла определить. Сладковатым, чуть тошнотворным — как в аптеке, где торгуют сушёными грибами. Бабушка Дженни провела их в комнату, которая служила и гостиной, и спальней. На стенах висели старые фотографии в рамках, иконы в углу и странные вышивки, которых Лиза никогда раньше не видела — круги, пересекающиеся дуги, символы, похожие на те, что она сама рисовала в блокноте.

— Садитесь, — сказала бабушка, опускаясь на стул. — Чай будете?

— Нет, спасибо, — сказала Лиза. — Мы хотели спросить... про город. Про истории, которые вы рассказывали.

Бабушка посмотрела на неё долгим взглядом. Потом перевела глаза на Дженни.

— Зачем тебе это, девочка?

— Потому что он вернулся, бабушка, — тихо сказала Дженни. — Клоун. Мы знаем.

Старуха замерла. Её руки, лежавшие на коленях, начали дрожать — мелко, как осиновые листья.

— Я говорила твоей матери, — сказала она. — Говорила. Не надо было строить дом на этом месте. Не надо было будить то, что спит.

— Что значит «будить»? — спросила Лиза.

Бабушка посмотрела на неё. В её глазах блеснуло что-то, похожее на страх — настоящий, древний, тот, который не показывают чужим.

— Ты знаешь, кто построил тот особняк? — спросила она.

— Нет, — сказала Лиза.

— Бруксы, — сказала бабушка. — Прадед Дженни. Он был богатым человеком, держал цирк. Возил по всей стране клоунов, акробатов, животных. А потом приехал сюда, купил землю и построил дом. Самый большой в городе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.